

Даниэл Варужан

СТИХИ



СТИХИ

Даниэл  
Варужан





Даниэл  
Варужан

---

СТИХИ

Перевод с армянского  
Булата Окуджавы



Москва  
«Художественная литература»  
1984

С(Арм)1  
В 18

Вступительная статья

**С. Капутикян**

Состав и примечания

**А. Аликяна**

Художественное оформление

**Е. Яковлева**

В  $\frac{4702080100-271}{028(01)-84}$  82-84

☺ Предисловие, переводы, состав, примечания, издательство «Художественная литература», 1984 г.

### Увидеть мир справедливым

*Впервые на русском языке издаются отдельной книгой произведения одного из крупнейших представителей армянской классической поэзии Даниэла Варужана. Творчество его охватывает начало XX века, отмеченного сильными потрясениями социального и политического характера. Поэт глубоко и ярко отразил основные черты этого исторического периода; в его стихах слышится рокочущий шум нарастающих народных волнений, взрыв негодования рабочих-пролетариев, в них звучит призыв к революционному свержению несправедливого миропорядка.*

*Даниэлу Варужану суждено было быть сви-*



детелем первых проявлений политики геноцида, поднять голос протеста против его античеловеческой сущности, а потом самому стать жертвой этого чудовищного преступления. Сегодня мы с особой болью вспоминаем это еще и потому, что не перестала существовать в мире злоецкая политика уничтожения народов, оголтелые агрессоры и в наши дни проливают кровь безвинных людей, и все мы ответственны за мир на нашей планете.

Писать предисловие к книге Даниэла Варужана честь и в то же время огромная ответственность. Как скупыми словами на нескольких страницах дать представление читателю о целой гамме чувств, неизбежно возникающей в душе каждого армянина при произнесении этого имени, — любви, восхищения, благоговения, горькой горечи и смятения. Весной 1915 года, когда младотурецкие правители приступили к осуществлению своего черного замысла уничтожения населения Западной Армении, среди страдальцев скорбного каравана находился и едва достигший тридцатилетнего возраста гордый, мужественный поэт Даниэл Варужан.

Даниэл Варужан родился в 1884 году в деревне Бреник уезда Себастья Западной Армении. Отец его, чтобы прокормить семью, как и многие его земляки, уходит в поисках заработка в город. Даниэл растет в деревне, в патриархальной среде, учится в сельской школе. Вскоре перебирается вслед за отцом в Константинополь, посещает одно из местных учебных заведений, затем продолжает свое образование в школе Венецианской конгрегации армян\*. По окончании, на средства этой же школы едет в Бельгию, поступает в университет города Гента, где изучает политические науки и социологию. Крайняя нужда и лишения преследуют юного студента в годы обучения, однако ему все же удается окончить университет, в 1909 году он возвращается на родину, в родное село, потом — в Константинополь и посвящает себя педагогической деятельности.

Внешне вроде бы все идет гладко и спокойно в жизни Даниэла Варужана, однако достаточно полистать страницы его книг, прочитать письма тех лет, как обманчивость такого впечатления становится очевидной. Поэт живет напряженной жизнью, полной внутренних исканий, мучительных дум,

порой кажется, что, обнажив меч, вступает в жаркий поединок, чтоб отвести удар от невинной жертвы, или, возглавив забастовкой охваченные массы, ведет рабочих к заводским воротам, требуя от хозяев справедливости.

С ранних лет душа поэта была травмирована действительностью, он растет без отца, с детской ранимостью переживая это. А когда переезжает в Константинополь к отцу, воочию видит бесправную жизнь обитателей нищих ночлежек, прислушивается к «стенаниям армянских скитальцев, к стону их израненной души». Не было и одиннадцати лет Даниэлю, когда до слуха его доходят, потрясая душу, ужасные вести о резне, учиненной Султаном Гамидом в 1895 году. В дальнейшем эти впечатления сакумулируются и воплотятся в строку, образ в тетради студента Гентского университета, а потом предстанут перед читателем в виде сборника стихов под названием «Сердце племени» (1909).

В этой своей книге Варужан выражает национально-освободительные устремления своего народа, верит в победу разума и справедливости. Эти чувства отодвигают на задний план все другие

естественные порывы юношеской души. «Самые горькие муки, — писал поэт-гражданин Даниэл Варужан, — я испытал в Канте, однако это совпало с тяжелыми для нашего народа временами, 1904—1907 годами, когда армянство металось в кошмаре голода и резни, и я не разрешил себе предаваться личным переживаниям, приказал душе молчать, заставил себя воспевать сердце народа, чье биение слышал в глубине себя, в пульсации собственной крови».

С годами становится глубже социальное и политическое осмысление поэтом действительности. Варужан один из первых в армянской литературе обращается к рабочей тематике. Неприятие капиталистического Запада с его железными машинами-жерновами, втягивающими в себя и перемалывающими человеческие жизни, наложило отпечаток на умонастроение молодого поэта. Тому способствовало еще долговременное пребывание в Европе, сначала в Италии, потом на родине Эмиля Верхарна — Бельгии, знакомство с мировой культурой — «от индусской поэзии до Гомера и от Гомера до Метерлинка». Он пишет цикл стихотворений под названием «Цветы Голгофы», в который входят



нем неразрешимых национальных и социальных проблем, сбрасывает с себя давящие тяжелые пути и отдается вольной игре воображения, устремляется в языческую глубину веков, где царят дух рыцарства и благородства, где люди раскованы в своих поступках, противопоставляя весь этот яркий, необычный мир, естественную стихию чувств царящим в современном мире порокам, притворству и лжи, бескрылому поклонению Желтому Дьяволу.

Нынче бракует людей не вдохновенье Астхик\* — Их сочетает теперь грязного золота яд.

Обращение к язычеству, по словам поэта, призвано было служить еще и другой цели: «Формированию единого национального самосознания, преодолению оцепенения, охватившего людей после ужасов резни, стремлению хоть на минутку вывезти их на простор мечтаний и, отведя взоры от крови, дать увидеть солнце».

Шедевром «Языческих песен» справедливо считается поэма «Наложница», сверкающая как редчайшая звезда на поэтическом небосклоне армян-

ской поэзии. Во вдохновенных строках ее есть неукротимый бег ретивого коня, размах взметнувшейся ввысь души, опаленной огнем любви: в этой поэме волею поэта, волшебной магией его искусства языческое дыхание из глубин веков врывается в наш XX век.

Воинам слава былым с вечным восторгом в крови  
Перед дарящими жизнь Силою и Красотой  
И перед символом их — юной богиней любви,  
Пенорожденной — пред ней, перед ее наготой...

Слава ударам щитов, слава стреле против стрел,  
Спору летящих вперед в знойной пыли колесниц;  
Слава охоте, где рог зло и прерывисто пел,  
Где благородный олень падал, подстреленный, ниц,  
Где находили свою смерть кабаны-секачи  
И, вытекая из ран, тихо дымилась их кровь...

Слава отважным векам, слава в веках храбрецу,  
Тем, кто был смел и могуч, искренним был, как вино.

По возвращении из Европы Даниэл Варужан вновь погружается в привычный мир забот и трудов своих земляков, ощущение близости земли вдохновляет его, поэт создает блестящий ряд сти-



хотворений, в которых воспеваает труд крестьянина, объединенных под общим названием «Песнь хлеба». Книга увидела свет в 1921 году после смерти поэта. Она вносила в армянскую поэзию совершенно новую, живительную струю. Здесь идиллический настрой, порой и умиление всем тем, что связано с землей и хлебом, сочетались с реалистическими картинками сельского быта, изображенными колоритно, сочно, как на полотнах фламандских живописцев; в центре внимания поэта оказались не только золото колосьев, шелест нив и полей, но и тяжелый труд крестьянина, работа на току, молотба с летящей соломой и пылью, крутобокие волы, курдючные овцы, сторожевые псы, риги, заполненные клевером и сеном, амбары, ломящиеся от благоухающих, пьянящих плодов, а в центре — в гармоническом единстве с природой — создатель этих благ, великий труженик земли, как антипод бесчеловечности — резне и уничтожению.

Я с восторгом воспеваю  
Труженика — мужика,  
Что, едва лишь серп оставив,  
К молотбе ведет быка,

Пастуха, что ток готовит —  
Камень на себе несет,  
Так, что на груди рубаху  
Разъедает едкий пот...

Сладко тем, кому сродниться  
С молотбою довелось,  
Кто пропитан желтой пылью  
От обувки до волос,

Кто во имя хлеба Паном \*  
Стал и, сердцем охмелев,  
В недра мельниц возвращает  
Нескончаемый напев...

Поэтическое искусство Даниэла Варужана питают многие внутренние источники, оно богато средствами выразительности. В его творениях с равным мастерством используются достижения армянской поэзии, особенно романтиков с их патетикой и торжественностью слога, и европейской поэзии, в частности, нерифмованный стих Верхарна с его мускулистой фактурой; круто замешанная на народной основе, удивительно полнокровно звучит любовная лирика Варужана, широкий размах древних армянских сказаний слышится в поэмах

и одах — и все это в едином органическом сплаве, носящем отпечаток его неповторимой индивидуальности.

Сам поэт довольно метко заметил по этому поводу, сравнив свою поэзию с живописью, перо с кистью. «Две страны оказали на меня влияние, Италия, именно Венеция с Тицианом, и Фландрия — Ван-Дейком. Мою поэтику определили первый — восприятием цвета, второй — необузданным реализмом; осмелюсь сказать, что я кисть свою обмакнул в вордан-кармир\* родной земли и в ее обильно пролитую кровь».

Даниэл Варужан своей большой поэзией, огромным тематическим охватом, разнообразием жанровых форм служит примером того, как можно вобрать в себя достижения мировой культуры, переплавив их в горниле своего вдохновения, оставаясь армянским поэтом, крепко стоящим на почве национальных традиций. Творчество Варужана подтверждает еще одну истину — кто действительно любит свой народ и живет его бедами, не может спокойно относиться к страданиям других народов, и кто близко принимает к сердцу судьбы всего мира, не может спокойно взирать на муче-

ния своего народа, тем паче народа, изнывающего под гнетом двойного угнетения, социального и национального.

Великой мечтой поэта было увидеть мир справедливым и прекрасным, человека совершенным, поклоняющимся Любви и Красоте, честным трудом украшающим жизнь, наконец, увидеть свой народ равноправным среди Свободных наций мира.

В 1909 году из Киликии\* в Бельгию, в Гентский университет, доходят вести о новых проявлениях геноцида армян в Адане; Даниэл Варужан, потрясенный услышанным, все-таки находит в себе силы сказать: «Однако армянин должен жить вопреки воле палачей. Армянин должен жить, чтоб стать одним из золотых звеньев в славном ряду мирных народов».

Сегодня пророчески звучат слова выдающегося поэта, жаждавшего «счастливого будущего, братства народов, такого времени, когда владыкой мира станет Труд!».

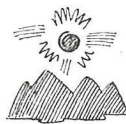
Сегодня в семье народов, спаянных любовью и братством, сияет звезда и армянского народа, его многовековое искусство, литература стали дейст-

зительно одним из золотых звеньев многонациональной советской литературы.

Даниэл Варужан один из тех, кто делает наше звено золотым, он воистину достойный наследник веками накопленного духовного богатства древнего народа.

С. Капутикян

## Стихотворения и поэмы





## Из книги Содрогания

---



### Рыбкам бассейна

Вам весь ваш век, как и сейчас,  
Дано гулять, а не стремиться;  
О, пестрые пловцы, для вас  
Давно указана граница.

Отныне не найдете вы  
Того таинственного края,  
Который в блеске синевы  
Пересекали вы, играя.



Бескрайний бороздя простор,  
Вольны вы были в океанах,  
И вы не видели в упор  
Приманок подлых, окаянных.

Все это раньше было, там,  
Теперь вокруг — одни подделки:  
Утес искусственный, фонтан,  
Бассейн нечищенный и мелкий.

Ваш мир — бессмысленный покой —  
Вот то, что дарит жребий тяжкий,  
Все сделано рукой людской  
Для вас, о узницы — бедняжки!

Когда берете вы разбег,  
На ваше пестрое мельканье  
Себялюбивый человек  
Глядит, любуясь пузырьками.

Вы для него — смешной улов,  
И для забавы, наслажденья  
Он вами жертвовать готов,  
Тиран и деспот от рожденья.

.. Уныло водоросли тут  
Сплетаются в подводном гроте,  
Вот там и будет ваш приют,  
Туда в могилу вы сойдете.

Едва заметная волна  
Там камушки годами точит,  
Слезами брызгая, она  
Печально песенку бормочет.

Ах, рыбки, милые друзья,  
Как поразительно на эту  
Похожа жизнь моя! И я  
Весь век стремлюсь пробиться к свету.

Иной хочу я мир найти,  
Где б можно было плыть все дальше,  
Где были б вольные пути  
И доброта без всякой фальши.

Напрасно! Сдайся, не спеши:  
Вокруг лишь те дела и вещи,  
Что губят взлет моей души  
И вяжут крылья ей зловеще.

Куда иду, чего я жду?  
Там будет то же, что и было,  
Сошлись там, на мою беду,  
Жизнь и печальная могила.

Мне, как и вам, однажды впасть  
В забвение без пробужденья;  
А здесь — одних иллюзий власть,  
Все — только сон, все — наважденье.

Вам илом стать, а мне — землей,  
Но вы счастливее, конечно:  
Вас, несмолкающий, живой,  
Фонтан оплакивает вечно...



### Болен...

Во тьме, заброшенный, в углу,  
Лежит больной, теряя силу.  
И сырость, кости холода,  
Низводит странника в могилу.

Нет ни врача, нет ни гроша,  
Вокруг все холодны и грубы,  
Нет сердца, чтобы доброту  
Излило в жаждущие губы.

И лишь в бреду он тех зовет,  
Кто был с ним некогда, вначале,  
Но никого с ним рядом нет —  
Один паук сидит в печали.

И гаснет полутьма, и сам  
Он гаснет в полутьме жилища,  
И тишь сколачивает гроб —  
Приют от дома до кладбища.

Еще не стар он и женат,  
Но слишком далеко до Вана \*,  
Там Бога молят, хлеба ждут,  
Кормильца ждут — и гибнуть рано.

Он пот и кровь в свой труд вложил;  
Но что спасти их будет в силах,  
Когда замрет его рука —  
Оплот детей и старцев хилых?

Все дружат с солнцем, с ветерком,  
Живут, довольные судьбою,  
Колосьям звезды свет дарят —  
Господь, лишь он забыт тобою!

Ведь руки эти — для труда,  
А для борьбы со смертью слабы;

Из мрака скалится судьба —  
Змея смеяться так могла бы...

Умрет он, и на белый свет  
Не глянет, голову подняв, он,  
Ни слез родни, ни просьб ее  
Не унесет с собою саван.

Умрет он; под родной луной  
Напрасно, плача неустанно,  
Ты будешь ждать его, жена,  
Ты, дочь сверкающего Вана.

Ты веришь, что вкусишь всего,  
Ты небеса целуешь взглядом,  
А в небе молния уже  
Прорезалась с лучами рядом.

Зачем же звезды на воде  
К твоим глазам ревнуют? Или  
Впустую, зря для щек твоих  
Цветы оттенки одолжили?

Так для кого же ты хранишь  
Самозабвенность поцелуя? ..  
Прохожий скажет ей: «Его  
Похоронила, не горяя. . .»



### На пепелище

Дом отпылал. Копоть и дым заволокли  
Весь небосвод до облаков,  
Все запятнав, все зачернив — стало быть, нет  
Больше надежд у бедняков.

Там, где вчера ветер слегка трогал рукой  
Нищенский скарб, — там без помех  
Веет сейчас, пеплом шуршит и за собой  
Стелет, змеясь, шепот и смех.

Плачет семья пред очагом — он опустел,  
Он навсегда ныне погиб,  
Плачет семья, и погасить этот пожар  
Реками слез люди могли б.



Мать на руках нянчит дитя, ходит кругом,  
Бродит в золе вкривь, без пути,  
Хочет она что-нибудь тут для малыша —  
Ткани кусок, тряпку найти.

Бедная мать! Даже кормить негде дитя  
В хаосе злом черных досок;  
Бродит, как тень, смотрит вокруг, прах ворошит,  
А под ногой — люльки кусок.

Лютый огонь! Тихий приют верной любви  
Смыла твоя злобная власть;  
Только вчера тут до утра губы двоих  
Пили любовь, нежность и страсть.

Жизнь их теперь погребена — не воскресить,  
Станет погост хижиной им,  
Злая судьба, чьей слепоте бог попустил,  
Им принесла пепел и дым.

Боже, скажи, где их тропа? Ты ведь у них  
Отнял навек кров и приют,  
Нет ни жилья, нет ни надежд — все позади,  
Боже, куда люди пойдут?

Ты сострадать не научил стадо свое,  
Чтобы душа греться могла,  
Чтобы хотя б в сердце людей вход был открыт,  
Чтоб обрести искру тепла.

Где их тропа? Муж занемог — все до краев  
Сердце полно горя и мук,  
А у его слабой жены — шея в тисках,  
В крепком кольце маленьких рук.

Где их тропа? Мужу грозит бездна, провал,  
Близкая смерть — он обречен;  
Как же ей быть? Или судьбой ей суждено  
Тело продать в грязный притон?

Смерч оборвал эти цветы... Боже, куда  
Их принесет ветер, гоня?  
Все потеряв, брызги летят крови живой  
В дымном чаду, в вихре огня...

... Будет ли он, радостный день, чтоб человек  
Каждому был дорог и люб?  
Сможет ли он зло победить — горе унять  
Добрим теплом ласковых губ?

Чтобы семья, чей родовой скромный приют  
Пламенем злым выжгло дотла,  
Вместо пустых слов ледяных — в мире большом  
Хлеб и тепло, помощь нашла!



## Из книги Сердце племени



### Прачка

Вдовой осталась она в год небывалой резни\*,  
В тот окровавленный год.  
В братской могиле супруг... В жалком, убогом  
жилье  
Сын ее маленький ждет.

Где-то в подвале чужом в зимние, стылые дни  
С первых лучей допоздна  
В тусклом мерцанье свечи, вечно склоняясь  
над бельем,  
Моет, стирает она.





### Письмо тоски

«О мой сынок, странник в ночи, — пишет мне  
мать, —

Долго ль тебе в чуждых краях жить на бегу?  
Долго ль еще бедный твой лоб поцеловать,  
К сердцу прижать я не смогу?

Хватит стирать камнем чужим кожу ступней,  
Тех, что не раз в детстве твоём грела в руке,  
Хватит тебе, вскормленному грудью моей,  
Ослабевать там, вдалеке.

Старым рукам больше не ткать яркий палас —  
Саван плету я из своих белых волос;  
Я бы ушла мирно во тьму, если б хоть раз  
Видеть тебя мне довелось.

Я у дверей вечно сижу, свет мне не мил,  
Жду я вестей от журавлей, мчащихся вдаль;  
Ива твоя — помнишь, ее ты посадил? —  
Тень мне дает, тень и печаль.

По вечерам жду я тебя, но стороной,  
Мимо лежит странников путь — всё не ко мне! —  
Тех, кто пути к дому нашёл... С полной луной  
Я остаюсь наедине.

Дом опустел и одряхлел, сыплется прах.  
Смерти хочу; все же в мечтах — дом наш стоит;  
Напоминать мне суждено тех черепах,  
Чей навсегда панцирь разбит.

Сын мой, вернись и возроди дом свой родной!  
Сломана дверь, погреб закрыт, опустошен;  
Словно в гнездо, смело летят птицы весной  
В дом неживой, в дыры окон.

Стада уж нет, хлев опустел — там, одиноко,  
Блеет, томясь, храбрый баран. Очень давно  
Мать храбреца, агнец еще, — вспомни, сынок! —  
С рук у тебя ела зерно.





Быстро проводит тебя смуглый сметливый малыш  
В дом мой родной над ручьем, в дом мой

отеческий; тут

Голуби гулят в тени плоских приземистых крыш,  
Вдоль покосившихся стен яркие маки цветут.

Может быть, там, у дверей, рядышком мирно

сидят

С прялкой жужжащую мать, дремлющий старый  
наш кот,

Рядом — струит аромат буйно разросшийся сад,  
Пчелы там черпают сок, к ульям свершают полет.

Скажешь, что сына ее видел в недавние дни,

Ей передашь мой поклон, вздох растревоженный  
мой,

Плащ у порога сними, пыль путевую стряхни,  
В дом этот гостем войди, лоб свой от пота омой.

Сядешь за дедовский стол, гостя не знавший

давно,

Пахтанье мать принесет, рядом положит лаваш \*,

А из кувшина на свет весело глянет вино,  
Вырвется солнечный жар, зной опаляющий наш.

Знаю, душа отдохнет в этой тиши, как в раю,  
От чужедальних дорог, иноязычных угроз...  
Маме письмо передай, то, что тебе отдаю,  
Ей, одинокие дни числившей каплями слез.

Пусть она благословит это письмо и меня,  
Слезы прольет, как лила многое множество лет,  
Черный накинёт платок, силы в душе сохраняя,  
Ибо я там написал свой нерушимый Обет.





### Красная земля

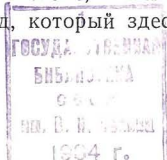
На письменном столе моем, вот в этом блюде,  
Есть горсть земли, что привезли  
С полей армянских.  
Она — подарок и тому, кто подарил мне,  
Тогда казалось, что он дал свое мне сердце,  
Но он не знал, что дал сердца всех наших предков.

Я часто на нее гляжу; порой часами,  
Вперив свой взор, я остаюсь угрюм, безмолвен,  
Как будто взгляд в земле родимой плодотворной  
Пророс корнями.  
Подчас я думаю, что цвет ее пурпурный —  
Он не закон и не игра природы нашей:  
Земля в себя впитала жизнь, частицу солнца,

И, беззащитная,  
Навеки стала красной,  
Ибо она была армянскою землею.  
Она красна и, может быть, еще в ней дышат,  
Еще живут века древнейшей нашей славы,  
В ней искры кованных копыт,  
Их шаг тяжелый,  
Который некогда покрыл горячей пылью  
Армян победы.  
Я говорю: еще живет в ней эта сила,  
Что вздох за вздохом составляла наши жизни  
И что дала как бы разумною рукою  
Глаза, что схожи, одинаковые души,  
И пылкость бурную, что взята у Евфрата,  
И сердце стойкое — тайник страстей безумных,  
Любви горячей.

В земле душа богатыря еще искрится,  
Которую красавицы слезинка  
В хрусталь преобразила; есть в ней атом  
От Айка \* и пылинка — от Арама \*,  
Зеница — от Анания \*, в которой  
Звезды сиянье.

Тут, на столе, — вся нация, древнейший  
Народ, который здесь, во вновь прекрасном утре



Из плоти почвы говорит со мною,  
Который, словно звезды в синей бездне,  
Багровыми пылинками своими  
И сладостными молниями душу  
Мне орошает.

И тотчас же дрожат все струны нервов,  
Трепещут трепетом, что для полей познания  
Куда нужней, чем теплый ветер весен.  
Я чувствую, как сквозь меня проходят  
Недавних дней воспоминанья, души  
Сплошь в незаживших ранах, губы мести;  
И этот прах, хранимый так любовно,  
Что и душе моей не сделать столько,  
Когда б она нашла мой прах по смерти,  
Прах тела в ветре, —  
Земля, моей Армении страницы,  
Земля, наш амулет,  
Наш дар багровый, —  
Когда я думаю, когда сижу над книгой,  
В бесценный час любви, улыбки, страсти  
Иль в величавый миг рожденья песни,  
Меня рычать от гнева, плакать горько,  
Вооружать кулак, зажав в нем душу,  
Вдруг заставляет...



### Старый журавль

На берегу, среди стаи журавлиной,  
Свою он шею изогнул и сунул  
Клюв под крыло, смежил глаза устало  
И ожидал последнего мгновенья,  
Последней, черной, горестной минуты.  
Когда собратья ввысь рванулись, в небо,  
Он с ними вместе не сумел подняться;  
Открыв глаза, следил он за полетом  
Своих друзей, что быстро исчезали,  
Над крышами курлыча, повторяя  
Врученные им вести и приветы,  
Скитальцев слезы.

Ах, бедной птице суждено угаснуть  
На бледном лоне тишины осенней...

Напрасно было б ей мечтать о дальней  
Весне, о струях воздуха, вздымавших  
Парящие, раскинутые крылья,  
О том, чтоб вольно, широко шагая,  
Идти через ручьи в воде холодной,  
Вонзая острый клюв в тростник зеленый —  
Мечтать напрасно.

Журавль армянский так устал от странствий,  
Ослабли крылья. Был всегда он верен  
Прекрасному и горестному долгу —  
Бессчетно передал он поцелуев:  
От юных жен, сердца свои вверявших  
Его атласным светло-серым перьям,  
От матерей и разлученных с ними  
Детей далеких. . .

Вот он теперь в агонии трепещет  
И отрясает, сбрасывает с крыльев  
Народа бесприютного страданья,  
И тайные обеты, и рыданья  
Невесты, увядавшей чистой розы,  
Не знавшей поцелуя, увяданье,  
Прощальные старух благословенья,

Любовь, желанья, радость и печали —  
Все сбрасывает он, все отрясает.  
И в сером одиночестве, над речкой,  
В последний миг остатки сил собравши,  
Взмахнув крылами,  
В последнем крике, гулко прозвучавшем  
Над селами в руинах, над холмами,  
Он проклинает горькое изгнанье  
И падает, умолкнув. В гладкой гальке  
Он сам себе могилу выбирает  
И, клюв свой красный сунув под камень,  
В убежище речной угрюмой жабы,  
Расслабив шею гибкую безвольно  
И, содрогаясь, песне волн внимая,  
Он умирает.  
На эту смерть змея смотрела долго  
Бесчувственным, тупым, застывшим взглядом,  
И, злобу дней минувших вдруг припомнив,  
Вползла на берег,  
И кинулась, и обвилась внезапно  
Вкруг мертвой шеи. . .







**Ваагн \***

(*поэма*)

Здравствуй, бог предков моих,  
Вот подхожу я к тебе, к капищу твоему,  
Я за узду волоку  
Жертву с Тарона \* — быка.  
Глянь, как он тучен — мой бык,  
Грудь его — снега белей,  
В ней — все дыханье земли,  
Шея не знает ярма,  
Он на просторе взращен, на благодатных лугах,  
Морду его омывал  
Только священный родник светлого Рая Хлебов.  
Если он вдруг запыхтит, бурей дыханье его

Пыль разметет и песок взвихрится перед ним.  
Пахнут ноздри его, черные ноздри его  
Запахом мокрых полей, зеленью пахнут они.  
Жертва красивая моя, великолепна — гляди:  
Круто венчают рога  
Славу его головы;  
В неукротимых глазах  
Стелется ладана дым;  
Хвост его, длинный, густой,  
Выющийся, словно змея, бьющий его по бокам,  
Тело его хранит  
От оводов и слепней.

О, мой Ваагн, отец, мощный отец богов,  
О, мой Ваагн, человек,  
Что в Солнце преображен,  
Душу мою омой, губы согрей лучом,  
Ибо целую, смотри,  
Капище — твой оплот; молот тяжелый схватив,  
Я, словно жрец, крушу, мощным ударом дроблю  
Лоб своего быка; бурно текущую кровь  
В дар приношу тебе, сливаю к твоим ногам.  
... Вот уж дымится, смотри,

Перед тобою, треща, буйный священный костер,  
Пламя гуляет всюду, в ветках оливы гудит  
И, опьянев от смолы, что можжевельник  
струит,

Прыгает вверх и поет  
О превращенье души, ясной души вещества.  
Вот моя жертва, возьми: вот эти ребра в крови,  
Вот эта морда быка, жирные бедра его,  
Вот содрогается мозг — тот, что всегда управлял  
Мышцами, плотью его, дал непокорность рогам;  
Видишь, трепещет еще сердца горячий комок;  
Вот я кладу на бедро  
Желчь — да сгорит она вся!  
Пламя без дыма теперь  
Кверху восходит, несет  
Благоуханье быка,  
Чтоб этот запах проник в твой поднебесный  
чертог.

О, Всемогущий, прими  
Дар мой, который в огонь  
Лью из кувшина — вино;  
Ноздри отверзни, вдыхай  
Запахи — и примиришь,  
Хмелем объят неземным, хмелю веселому рад,

С вероотступником — с тем, кто был народом  
твоим.

Вот он, священный настой,  
Сладкий, обильный, густой, лью пред тобою его —  
Дерево так же, чей ствол ранен секирою был,  
Лило целебный свой сок в семь раз омытые мной  
Чрева кувшинов больших;  
Выпей его и сочти  
Чистым, как детская кровь,  
И драгоценным, как пот, женщин, готовых родить.  
О, повелитель, ты рад? Отдал тебе я все то,  
Что в моей хижине есть, все, что есть в сердце  
моем,

Все, что сберег от врага  
Вымерший Аштишат\*.  
Словно последний в роду, сирый язычник, один,  
Благоговейно склоняясь пред твоим капищем, я  
Землю целую, где ты  
В корни деревьев вошел;  
Я, воздевая к тебе и простирая к тебе  
Руки по локоть в крови  
Жертвы священной моей,  
О, мой Ваагн, бог отцов,  
Жарко тебе я молюсь!..

Ныне за силу молюсь, силу, что щедрой рукой  
 Дал ты, которой в борьбе некогда ты разрывал  
 Пасти драконов-врагов и в небесах рассыпал \*  
 Солнечные семена — Млечный сверкающий Путь,  
 Ныне за силу молюсь, силу, которая — взлет,  
 Дух созиданья, душа;  
 Вечный ее поцелуй  
 Пламя родит и цветок,  
 В атоме, в воле, в мозгу  
 Холит бессмертья исток,  
 Пальцем могучим она тронет лишь — и семена  
 Вдруг раскрываются; сок  
 Вверх устремляется, вверх, к самым вершинам  
 дубов;  
 Силу, что грудь матерей полнит живым молоком,  
 Люльку качает и нас  
 После кончины несет к звездам далеким, к вратам  
 Жизни загробной; народ  
 Делает армией львов!  
 Силу твоей, о Ваагн, мощной и щедрой руки,  
 Льющуюся, как поток, в мышцы отважных людей;  
 С гарпией схожа она, с той, что рождает порой  
 Гениев, богатырей  
 В лоне у женщин земных.

Ты — эта сила, и ты —  
 Кладезь познания ее!  
 И, простирая к тебе  
 Руки свои, о Ваагн,  
 Ныне молюсь я... молюсь!..





### Немезида

Художник, вихрекудрый, огнеглазый,  
Вошел в свой храм священный — в мастерскую,  
Массивные закрыл и запер двери,  
Прервав путь света, он захлопнул ставни,  
И только в щелках узеньких остались,  
Пробились солнца золотые пряди.  
Здесь мрамор был — гороподобной глыбой  
Стоял и ждал, скучая в полумраке,  
Что вот он в древнего героя превратится,  
Или, быть может, он мечтал о том, как  
Спустившийся с небес на твердь земную  
Сам Бог в ней обитать отныне будет.  
Была скалою дикой эта глыба,

Полуразбитое, на ней еще держалось  
Гнездо орла;  
А в глубине одной из узких впадин  
Змея свернулась и спала спокойно.  
Художник, ощущая беспредельность  
Своей души, в себе увидел Бога:  
Стоял с резцом он, бледный, величавый,  
Пред глыбой, с непокрытой головою,  
Как великан. . .  
И в это время взор его заметил  
Из глубины протянутую руку,  
Которая струила из кувшина  
В его всю распаханную душу  
Сок созиданья, пахнувший землею.  
И он ваял, без устали ваял он,  
И он ваял, без устали ваял.  
Под куполом, венчавшим мастерскую,  
Подвешен был, все освещал, как факел,  
Святого череп, полный масла веры;  
Вкруг мрамора витала беспрестанно  
Мечта творца, вся в ожиданье плоти,  
И мысль его вонзала в лоно камня,  
Как дерево оливковое, корни,  
Стремилась вглубь.

И он ваял, без устали ваял он,  
И он ваял, без устали ваял...  
Под каждым мощным взмахом и ударом,  
Звучавшим гулко, как разрыв снаряда,  
Сноп искр взлетал и пышно рассыпался  
По стенам, как распавшийся внезапно  
Венок цветов.  
И за окном, вовне, жасмина грозди  
От каждого могучего удара  
Цвет голубой на ставни осыпали.

И он ваял, без устали ваял он,  
И он ваял, без устали ваял.  
До той поры, пока смирился камень  
И женской обернулся головою.  
Она оделась мраморною плотью  
И расцвела, как лилия, на глыбе;  
Она была прекрасна — и ужасна:  
Незряче, как у статуи античной,  
Ее глаза глубокие глядели,  
Из них душа неспешно, постепенно,  
Как скорпион из бездны, вылезала.  
И он ваял, без устали ваял он,  
И он ваял, без устали ваял.

Он, как поэт, рукою животворной  
Из камня вырезал стихотворенье:  
В глубоких складках мрамора живого  
Был каждый штрих аккордом звучной лиры,  
Был звуком, и строкой, и рифмой звонкой,  
И грохот несмолкающих ударов  
Был песнею, что спел чудесный молот,  
Был песнею, которую услышал  
На небе Бог.

И он ваял, без устали ваял он,  
И он ваял, без устали ваял.  
И кудри появились, и обильно  
Поплыли, заструились, словно змеи,  
И по плечам рассыпались; и спину  
Он сотворил,  
И руки амазонки, что могли бы  
По прихоти своей пускать и стрелы  
Любви, разя намеченную жертву,  
И молнии несущих гибель копий.

И он ваял, без устали ваял он,  
И он ваял, без устали ваял...  
Что в том, что ночь без сна шла вслед за ночью,



Что день за днем летел без перерыва!  
Вот груди, груди статуи нагие!  
Такие круглые и светлые такие,  
Что молоко в них, верно, было ртутью  
Иль света замороженным сияньем.  
Бока — могучие, исполненные духа,  
Как будто были вскормлены в них кровью  
Двойняшки-сестры — месть и справедливость.  
Он позвоночник изваял и бедра,  
Пупок, который в мраморе тотчас же  
Звездой, рожденной в хаосе, проснулся  
И засиял.

Еще удар, еще удар, не медли. . .  
В светильнике уже иссякло масло;  
Еще удар, еще удар, скорее. . .  
И он ваял, без усталости ваял он. . .  
Колени сделал, голени он создал,  
Ступни — из пальцев десятью ручьями  
С журчаньем тихим, смесью желчи с медом,  
Свет истекал.  
И, наконец, он прикрепил у чресел  
Меч обнаженный, обоюдоострый,  
Меч непорочный, чистый, справедливый,

Как сам Господь.  
И в этот миг во впадине от дремы  
Змея очнулась и, обвинившись мягко  
Вокруг меча, излила яд по капле  
На лезвиё.

Еще удар, еще удар последний —  
И вот уже окончена работа.  
Поэт — ваятель вдруг чело поморщил,  
Как жемчугом, увенчанное потом:  
— Но кто она? Как имя этой девы?  
Горгона \*? Или мстительная Гера? . . . —  
И на массивном пьедестале скульптор  
Зубилом высек имя: «НЕМЕЗИДА».  
Теперь его мечта, оживший мрамор,  
Живет и мыслит; издавна таилась  
Она в глубинах существа поэта;  
Богиня справедливости, возмездья, —  
Дитя его неодолимой мощи,  
Он породил, питал своею плотью  
Ее с тех пор, как властно обвенчалось  
С народной, животворной, смелой кровью  
Его животворящее сознание.  
Что до того, что погребал себя он

Во мраке мастерской по целым суткам!  
Беда ли, что на лбу его высоком  
Усталость проступает добрым потом,  
А голову и плечи побелила,  
Как пыль мучная, мраморная пудра,  
Седая пыль,  
И длинные ресницы так похожи  
На крылья белоснежные голубки!  
Что до того, что он весны не видел,  
Ее улыбки в родниках журчащих,  
Что он не выжал гроздь винограда  
В стакан хрустальный, ждущий наполненья,  
Не смешивал свои шальные кудри  
С летящими по ветру волосами  
Красавиц юных, пляшущих под бубен!  
О, что за важность дни ушедшей жизни,  
Когда мечта живет уже на свете,  
Когда мечта теперь уже бессмертна!

С резцом в руке художник-победитель  
Свой зоркий взгляд вперил в глаза творенья,  
Себя он познает в них — без изъяна,  
Всего себя;

Он познает и тот священный мрамор,  
Что под его рукой умелой ожил,  
Что был лишь глыбой, грубой и безмолвной,  
Попавшей под резец покорным камнем, —  
Теперь же в нем Богиня пробудилась  
И Мстительница из него восстала!

Окончена работа — и ваятель  
Отныне видит только Немезиду  
Во всей красе; она уже готова  
Для преклонений, жертвоприношений...  
И мастер, восхищенный и счастливый,  
Засовы отодвинул, отпер двери  
И широко наружу распахнул их —  
И хлынул свет!  
И так омыл он статую богини,  
Что мраморное тело засияло,  
Лучи вокруг себя бросая щедро.  
От блеска их глаза рукой прикрыла  
Красавица напротив, на балконе  
Сидевшая, трудясь над рукодельем.  
Как снежная скала, была богиня,  
Вздымалась, обнаженная, на солнце,

И по плечам и по грудям струились  
Неисчислимо, щедро волны света.  
В нее еще раз зорко он взгляделся  
И в ней опять узнал свое создание,  
Дитя горячей непокорной крови.  
Благоговейно он припал губами  
Между грудями к мраморному телу,  
И на устах осталась капля света,  
Частица света малая — зачаток  
Неотвратимых будущих возмездий.  
Потом он отшвырнул тяжелый молот,  
Приник плечом к массиву пьедестала,  
На сгибе локтя голову пристроил  
И, словно лев усталый, задремал он  
У ног ее.

\*

Народ, народ идет, спешит, шагает;  
По улицам, по площадям, дорогам  
Течет, стремится черный вал за валом,  
Народ, народ поднялся угнетенный.  
Увидев грозный облик Немезиды,  
Они, жрецы возмездия, восстали

И вот — шагают к ней на поклоненье,  
Голодные, в крови, из сил последних,  
Из тюрем исправительных, с заводов;  
Еще куски цепей, разбитых ими,  
За голыми ногами волочатся,  
Звеня, гремя по мостовой булыжной.  
Один — с киркой, в руках другого — молот,  
На лицах ненавидящих пылают  
Неистовство и ярость, обнажая  
Оскал зубов, мечтающих дорваться  
До плоти угнетателей, до горла.  
Вот женщины; до пояса нагие,  
Босые дети, на щеках которых  
Весна, едва родившись, умирает,  
Кончается, цветенья не изведав.  
Взлетают вопли, вспыхивают гневно,  
По улицам летят, от дома к дому,  
И город весь кричит единым криком.  
Ломают цепи,  
Взламывают тюрьмы,  
А виселицы подлые и плахи,  
Пропитанные праведною кровью,  
На середине площади пылают,  
И пламя, улетающее в небо,

Для всей толпы — как негасимый факел.  
Бунтарь выходит из лачуги каждой,  
Встает страдалец из любой могилы  
С ожившей плотью, с новым мозгом, с новым  
Оружием — народ, грызущий землю,  
По пояс в тине, рвущийся на волю.  
Народ, сатрапам возводивший замки,  
Подхваченный грохочущим приливом,  
На тяжкий холм былой своей могилы  
Теперь взошел.

И этот океан теперь бушует  
До самых недр, до самой темной глуби,  
И волны смерть несут, свирепо воют,  
И пеною плюются, доставая  
До солнца, равнодушного, как камень,  
До стен дворцов...  
Они в рванье, они страшны, но ныне  
Орлиное крыло идеи общей,  
Впитавшей все мечты и все свершенья  
Веков минувших, в первый раз коснулось  
Их чистых лбов.

Они — поток, окрепший по дороге,  
Как океан, сильны и величавы,  
Рычат, бранятся, молятся и снова

Бранятся и бранятся в дикой злобе,  
Вопят, клянут насилье, призывают:  
— Возмездья ждем, возмездья, Немезида!..

Там — Немезида, там — их утешенье  
И мечь; ее сверкающее тело,  
Как лунный диск, влечет людские волны,  
Их лоно материнства призывает;  
Сдвигается толпа у пьедестала,  
След в след идут, нетерпеливо, жадно,  
Кладут другим на плечи подбородки;  
Они пришли к Богине неподкупной  
И души ей, и раны открывают:  
Ей юноши показывают руки,  
Истертые трудом и кандалами;  
И матери платки приподнимают —  
Там дети малолетние, чьи кости  
Изломаны жандармскими конями;  
Старухи перед нею расстилают  
Кровавые плащи героев-внуков,  
Зарезанных врагами вероломно;  
Все, что осталось в жизни дорогого,  
Несут они заступнице желанной  
И, смешивая просьбы и проклятья,

Все, как один, рыдая, выкликают:  
— О Немезида, о богиня мести,  
Ты видишь ли наш ужас, наши муки?  
Ты можешь ли в своей ладони взвесить  
Одну лишь каплю наших слез, в которой  
Безбрежность, бесконечность океана?  
Довольно упивались наслажденье  
И воинская слава нашей кровью  
И нашим потом, пролитыми втуне;  
Довольно багинеты \* разрывали  
Нещадно наши чрева и губили  
Живые семена зари грядущей;  
Довольно на заводах по кусочкам  
Машины злые рвали наше мясо;  
Довольно нам всю нашу жизнь на спинах  
Исхлестающих носить могильный камень  
И с этой ношей уходить в могилу!  
Возмездья час уже настал желанный,  
Настал восстанья час, зовущий к буре!  
О, помоги нам, вдохнови, дай силу,  
Ведь ты — наш Бог, ты — наша Богоматерь!  
Спускайся с пьедестала, сплавь нас волей,  
Пиши свои суровые законы  
На наших лбах кровавыми чертами,

Мы — твой народ.  
Мы умертвим богов, былых и новых,  
И прахом их мы котлован засыпем,  
И капище твое воздвигнем выше,  
Чем в Аттике твой храм великолепный;  
Дворцы разрушим, разломаем тюрьмы  
И, вместо них, из их камней квадратных,  
Мы жертвенник тебе построим новый.  
И каждый год, в день славной Немезиды,  
Какие песни ненависти грянут!  
Забытые покойники проснутся,  
Вина пригубят, смешанного с кровью,  
Которое к могилам принесем мы,  
Под солнцем, по которому скучали,  
Они запляшут, за руки схватившись  
И развевая саваны по ветру.  
Спустись же к нам, живи лишь между нами!  
О, ты прекрасна — и одновременно  
Внушаешь ужас: ведь в твоих зеницах  
Есть кара справедливая, а руки  
Всегда готовы сеять в смертном прахе  
Лилейное, святое семя жизни.  
Ты — горлица, что в черепе гнездится,  
Ты — вечный Стикс \*, ручей животворящий,



Из зелени кладбищенской текущий,  
Мы отдаем тебе детей голодных,  
Пускай они святыне причастятся  
И из твоих грудей, тугих и щедрых,  
Пьют молоко грядущего возмездья.  
Спустись же к нам! И нас могучим сделай,  
Щитом для беломраморного тела,  
Мечом для зло карающей десницы,  
Ибо теперь мы требуем отмщенья,  
Мы жаждем крови, крови, Немезида! ..

Они кричат. Их крик безумный, страшный,  
Бросает в дрожь властителей на тронах  
И спящего у пьедестала нежит  
Поэта сон.

Они кричат. Дары несут Богине:  
Руками окровавленными сыплют  
Жасмин и розы, астры и тюльпаны;  
Измученные девушки и дети  
Исколотыми пальцами усердно  
Плетут венки;  
А мужики последнего козленка  
Закалывают, хлев опустошая;  
И жгут подростки перед нею ладан;

И юный воин, и старик рабочий  
Меч и топор на постаменте точат.  
И вот народ внезапно умолкает,  
Как под луной стихающее море,  
И перед ней склоняется в молитве.

(Благословенна будь, о кровь, во вздохах  
И в плаче растворившаяся напрочь,  
Покой тебе!

Благословенье вам и исполненье,  
О вы, молитвы накануне боя!  
Ведь это в вас надежда на победу,  
Как белый голубь из людских ладоней,  
Возносится, взлетает прямо к солнцу!)  
Из глубины горящего заката  
По горным склонам, по крутым уступам  
Спускается саженными шагами  
Грядущего провидец бескорыстный,  
Герой, воитель смелый, жрец верховный,  
Служитель непорочной Немезиды,  
Вечернее пылающее солнце  
Свои лучи прямые устремляет  
На грудь его пурпурную; искрятся,

Как самоцветы на короне царской,  
Лучи на ослепительных доспехах.  
Еще струится кровь  
С меча прямого,  
И лоб его  
Увенчан гордым лавром,  
Его шаги, тяжелые от славы  
И от борьбы с насильем, раздвигают  
Народ, вокруг толпящийся, согбенный  
Под тяжким грузом злобы и молитвы.  
И у него —  
Свой дар для Немезиды:  
Он с головы медлительно снимает  
Венок, который девушки-сиротки  
В тени могил  
Любовно так сплетали,  
И, развязав венок, одной рукою  
Сжимает стержень ароматной ветви,  
Другую с силой оголяет ветку,  
Зелеными листками осыпая  
Нагой Богини девственные ноги.  
И вот один листок, омытый кровью,  
Летит, кружится, на чело ложится  
Лежащего под статуей поэта,

Который спит в плену видений новых,  
Иной мечты, надежды на свершенья,  
И этого прикосновенья славы  
Не узнает.



Из книги  
Языческие песни

---



Статуе красоты

Хочу, чтоб мрамор лишь тебе — не другим! —  
Олимпа недра принесли бы как дар,  
Чтоб под резцом моим он стал бы нагим  
Прекрасным телом, где сиянье и жар.

Чтоб мог бы в очи эти каждый нырнуть,  
Себя бессмертным бы почувствовать мог,  
Чтоб были линии нетленны, а грудь —  
Оплот гармонии, где жизненный сок.

Была б нагой ты, как поэта душа,  
И пред языческой твоей наготой  
Стоял бы каждый человек чуть дыша.

Когда бы жертву на алтарь пресвятой  
Принести захочет восхищенный народ —  
Пусть кровь мою твой белый мрамор вберет.





### Первый грех

Голубоглазого козленка своего  
Она пасла в ущельях горных каждый день;  
И были босы ноги смуглые ее,  
И льнули ласковые лилии к ногам.  
На наготу снежносверкающей груди  
С ее кудрей струился запах чебреца;  
Благоухающий жасмин на голове  
Не увядал, и полыхал румянец щек.  
И пела девушка всегда, и песни звук  
Смеялся в сердце у нее.  
Ее голубенький бесхитростный наряд,  
Казалось, сшит был из безоблачных небес;  
И посох был окаменевшею змеей,  
Но лишь ее коснулась девичья рука,

Как стала персиковой веткою она.  
Когда же девушка пасла над ручейком  
Голубоглазого козленка своего,  
За ней ходила потихоньку, хоронясь  
Между деревьями, луна, что, может быть,  
Была извечно вожделирующим зрачком,  
Зеницей жадной Иеговы \* самого.

Однажды голос из долины прозвучал,  
Он звал ее к воде спуститься, к роднику,  
Он был — как песня, столь чарующая всех,  
Что и козленок был пленен:  
С травой во рту он, шею вытянув, внимал;  
И эта песня говорила ей: «Спустись!  
Эй, белолицая, эй, девушка, спустись  
И у ручья козленка в жертву принеси!  
Я — всемогущий дух, владыка этих гор;  
Я захочу — от дуновенья моего  
Червонным золотом все реки потекут,  
Потоки хлынут серебром;  
А там, куда дойдет мой властный поцелуй,  
Возникнет в трепете желание рожать;  
Коснувшись лилий, я их в розы превращу,  
А нежных девушек — в царик.

На крови жертвы, той, что ты мне принесешь,  
Я на полях взращу прекрасные цветы,  
И будешь ты, ликуя, бабочек пасти,  
Эй, белолицая, эй, девушка, спустись!»

Тот голос долго, долго слушала она,  
Он говорил, как будто пел, в ее крови,  
Она под звездами вздыхала, а потом,  
Как зачарованная, посох свой взяла,  
Погнала белого козленка по тропе  
В долину, вниз, откуда лился аромат...

Вот и родник прозрачный — чувствуешь ли ты  
Пьянящий дух мужской — с ума сводящий дух,  
Что ароматом чебреца  
Тебе твердит: «Скорее жертву принеси!»  
У родника, у чисто вымытых камней,  
Она козленка уложила, так что рог,  
Еще чуть выросший, в песок воткнулся весь;  
О, что за дивный, что за сладкий этот миг!  
Она ведь знала, что козленок будет жить,  
Что он останется в живых!  
Он будет бляять, будет бегать по лугам...

И пела девушка, не зная, что есть смерть,  
В восторге пела, вдохновенная, о том,  
Какую радость несравненную дает  
Самопожертвованье нам;  
Ликую, пела о весне своей она,  
Что все в ней сладостной гармонии полно;  
И вот, не глянувши в молящие глаза  
Голубоглазого козленка своего,  
Она пронзила шею белую ножом  
И, вожделея, с песней, в жертву принесла,  
Чтоб соблазнителью, чтоб духу угодить,  
Голубоглазого козленка своего.

Но от закляния цветы не расцвели,  
Пастушкой бабочек не сделалась она;  
Кровавомутным стал родник, и из него  
Она не сможет никогда испить с водой  
Небесный свет далеких звезд;  
Пастуший посох, ею брошенный в траву,  
Оделся прежнею змеиной чешуей;  
Луна в смущении укрылась за горой.  
И в темноте, дрожа от ужаса, она  
Стояла около козленка своего,



Рыдала в горести, кровавою рукой  
Стирая слезы с помертвевшего лица;  
На голове увял жасминовый венок. . .

Она оплакивала первый, сладкий грех.



### После пира

Зал обезлюдел, все ушли, и лишь стоят,  
Пылая, факелы безмолвные вдоль стен  
И на столы опустошенные струят  
Потоки крови из своих горячих вен.

Как духи, лютен смолкших бродят голоса,  
Которым внять душа хмельная не смогла;  
На рты людей и на беспутные глаза  
Сон распростер нетопыриные крыла.

На скатертях — все как попало, все подряд,  
И, недопитое, задумалось вино,  
И недоеденный, израненный гранат  
Кровоточит, с багровым светом заодно.

И вдруг бокал крошится, плача в тишине:  
От пьяной женщины несчастье все пошло,  
Когда, топя свое неистовство в вине,  
Она, смеясь, зубами стиснула стекло.

А в вазе ирисы увяли — вышел срок,  
Лишь час назад ашуг \* вдыхал их аромат;  
Забытый веер, словно мертвый мотылек,  
Лежит на стуле, обесцвечен и помят.

Течет из окон, растворяется вовне  
Алоэ с мускусом горячая волна,  
А в зеркалах высоких, в смутной глубине  
Кончина смеха и желания видна.

Исчезли все, лишь двое слуг остались тут:  
Раба с рабом, с ее уродливым дружкой,  
Они из рюмок все опивки соберут,  
Допьют, смакуя, и обнимутся тайком...



### Моей Варужнак

Милая роза моя, роза воскресшей Весны  
Рядом со мной расцвела,  
И погруженная в боль, жившая в горе душа  
Снова мечту обрела.

Выцветшая колыбель, что, словно урна, была  
Тусклым жильем паука,  
Нынче, птенца получив, как молодое гнездо,  
Стала нарядна, ярка.

Новое солнце взошло, глаз твоих радостный свет  
Стал у порога сиять,  
И куропатка моя, напрочь о клетке забыв,  
Песню запела опять.

Ты ковыляла едва, как молодой воробей,  
Что распрощался с гнездом,  
И серафимы вошли, твой услышав голосок,  
Светлые, в праздничный дом.

Милая роза моя, роза воскресшей Весны,  
Сядь на колени мне, сядь,  
Пусть мне прольется на грудь лунным отрадным  
лучом  
Светлых волос твоих прядь,

Шею руками обвей, словно цветочным венком,  
Нежность и ласку дая,  
И улыбнись, чтоб в душе — в бездне холодной  
моей —

Вспыхнула снова заря.

Слово мне вымолви то, что при рождение тебе  
Неба дала высота:  
Луч открывает цветы, а пламенеющий перст  
Божий — младенца уста.

Ты посмотри, как глядит с неба в могильную глубь  
Пристально месяц ночной —

К жизни вернется любовь, будет отныне она  
Жить для тебя, для одной.

Да, для тебя, Варужнак; детское тельце твоё  
Создано из лепестков,  
Пахнущий миром наряд соткан из крыльев цветных  
Бабочек и мотыльков.

Да, для тебя, о мой гимн, мой панегирик живой,  
Кровью рожденный моей,  
Спелый на сердца струне, самой прекрасной  
из всех,  
Той, что дыханья нежней.

Славы непрочен песок, в нем, ненадежном, меня  
Держит твоя лишь рука;  
Хватит, чтоб душу мою с целой вселенной связать,  
Лишь твоего волоска.

Нежный и маленький мой созданный лирой божок,  
Крошка моя, Варужнак,  
Верю, что слезы мои светлой улыбкой твоей  
Станут — да сбудется так!

Искрами взглядов твоих, звездным небесным  
венком

Лоб мой увить поспеши,  
Он высоко на себе держит, как царский венец,  
Шрамы усталой души.

Ибо я — бездна, и в ней будет светлей и вольней  
Даже с одним светлячком;  
Я — как пустыня, где твердь благодарит небеса  
И одиноким ростком...



### Восточная баня

Купол зеленый блестит. Хлопает тяжкая дверь,  
Дверь из эбена — в нее часто и сильно стучат,  
И, открываясь, она жалобно, слабо скрипит,  
Гурий впуская, — они медленным шагом идут,  
Чудо нагое, сложив руки на животах;  
Над животами встают нежные горы груди,  
Где, как наверхия их, смуглые шпильки — соски;  
По полу туфли стучат, блещет на них перламутр.  
Бьются у гурий сердца, в сладостных их голосах  
Чудятся колокола, тонущие в глубине;  
Влажные блики глаза отбрасывают вокруг,  
Звездам подобно ночным, купающимся во мгле;  
Тюлем прозрачным, сырым пар обнимает тела,  
И начинают уже потом они истекать.

Гурии в жарком раю; томно иные из них  
Сладким мечтам преданы на мраморных лежаках.  
Брезжит из купола свет, солнца сияющий луч  
Льется потоком сплошным, ливнем из жемчугов;  
Зыбкий, струящийся пар морем серебряным стал,  
В нем лебедями плывет весь сладострастный

Восток.

К бедрам прилипшая ткань, словно морская трава,  
Сброшена прочь, и тела — зрелище статуй живых;  
Вот расплетают они косы, и море волос  
Зыблется мерно, алмаз тихо роняя порой.  
Волосы, волны! Уже баня взволнована вся  
Вашим приливом, и сплошь розовый мрамор

скамьи

От чернопенной волны влажных волос потемнел,  
И позолотой зубцов гребни уходят в волну:  
Долго, о долго, к концам этих бескрайних кудрей  
В блеске колец золотых, в свете бриллиантовых

искр,

Тихо, жеманно скользя, медленно пальцы плывут.  
Слабость, нстома порой женщин объемлет, и вдруг  
Вздрагивают они, если роса с потолка  
В ямки затылков упав, холодом резким пронзит.  
Вот, открываясь, журчат краны один за другим,

Краны из мрамора — пять, десять, и двадцать,  
и сто;  
Пепельный, словно туман, пар, колыхаясь, плывет,  
И оживают, шумя, чаны, ушаты, бадьи;  
Льется повсюду вода и сладкозвучно поет.  
Гурии плещутся! Здесь словно толпа собралась  
Граций Кановы — они рады друг друга обнять:  
Смешаны в тело одно руки проворные их,  
Груды трепещущие, голени; от животов  
Благоуханный вокруг, знойный плывет аромат.  
Плющатся бедра о твердь скамей из мрамора;

в глубь

Тихо скользящей воды ноги опущены; звон  
Слышится чаш золотых, камень задевших порой;  
А из самшита сосуд бурно, как сердце, стучит,  
Радостно, верно служа дивной такой наготе.  
Есть тут и глина — она, пахнувшая чебрецом,  
Смешана с соком цветов, как повелось издавна,  
Если втирать эту смесь, волосы станут, как шелк.  
А на натертых телах пеною всходит она;  
Жижей прохладной ее, скользкою смесью они  
Глядят и трут животы, галечный лоск наводя,  
В кожу втирают потом благоуханную мазь.  
Воды кипят, чтоб омыть Женщин, дарующих Свет,

Пенится мыло опять, чтоб чистота обрела  
Блеск и сиянье. Вода с лавок повсюду течет,  
Даже и в стоках она благоуханье хранит,  
Извести, глины полна, серого цвета от них,  
В звонком теченье своем, в струях бегущих несет,  
Катит комочки волос, длинных, кудрявых, густых,  
Влажномерцающий пух, смытый со светлых, живых  
Статуй, которым уже лень наливать, выливать  
Чаши последние. Вновь полнятся чаны водой,  
И напоследок опять гулкая баня шумит:  
Гуриям ополоснуть надо себя под конец.  
Кожа пылает, горит огненной розой в цвету;  
Чаши они на плечах держат, глаза опустив,  
И прикрывают, стыдясь, нежные горы груди;  
Тяжко дыша, чередой выйти из бани спешат;  
Пар истончил их; как мак, гурии пламя струят...  
О, изобилье кудрей, легших на голую грудь,  
Мокрых, тяжелых кудрей, капли роняющих вниз,  
Как перламутр, как росу, вниз, на босые ступни...  
Как рассказать мне о том, чем украшаетесь вы,  
Как облачаетесь вы в идольски пышный наряд?!  
Как я б хотел целовать пальцы, которыми вы  
Тихо касаетесь хны, словно кровавых сердец!  
Как я б хотел целовать пряди пахучих волос —

Те, что, подушку устлав, сладостный запах струят,  
Дуги черных бровей, черные стрелы ресниц,  
Грудь с ожерельем лучей лунных, сияющих, — ей  
Факелом стать суждено в брачной постели

в ночи;

Как я б хотел целовать руки и шеи — они  
Африки мускус хранят и аравийский гашиш...  
Вот вы идете домой, блещут алмазы на вас,  
Плиты от ваших шагов свежесть вбирают в себя;  
Пусть искушает мороз щеки румяные вам;  
От увлажненных одежд, зыблющихся подолов  
Льется и льется вокруг запах тимьяновых вод  
И заполняет всю ширь улиц, дорог, площадей!  
Хлеб недоеденный ваш, взятый с собою с утра,  
В чашу положен теперь и полотенцем накрыт,  
Пусть он струит аромат с пряностями заодно,  
Чтоб ощутить и понять Город Восточный сумел,  
Как на следах ваших ног Май расцветает зимой,  
Как молодая весна по тротуарам идет!







### Наложница

(поэма)

...Ибо слишком красива  
была и пела руками

М. Хоренаци \*, кн. 2

I

Как-то в сюнийской \* земле вечером, ранней весной,  
Пиршеством тешился князь в мраморном замке  
своим;

Вдруг, словно вихрь, прискакал конь по дороге  
ночной,

И у дворцовых ворот спешился всадник с трудом.  
Тяжко дыханье коня, пена кропит удила,

С ветром летит на чепрак, на золотое шитье;  
Видно, что издалека — пыль на попону легла,  
Серым налетом покрыв складчатый бархат ее.  
Просится в стойло, в тепло, верный скакун

у крыльца,  
Голос до звезд вознося, ржет, от усталости пьян.  
Князь же сюнийский Бакур знает в лицо

пришлеца:  
Трдат Багратуни — он князь, зять властелина  
армян.

Ныне бежит он в Мадай, мчится в ненастную  
ночь,

Ибо супругу свою, дочку Тирана \*-царя,  
Мучил он и избивал, из дому вышвырнул прочь,  
Волосы ей он обстриг, стыд и бесчестье творя.  
— Дом мой да будет твоим! — щедрый хозяин

сказал, —  
Путь до Мадаея далек, ты же в дороге давно.  
Слышишь, как чаши звенят? Ждет тебя

праздничный зал,  
Дружество наше с тобой пусть увенчает вино! —  
Сел Багратуни-беглец справа от князя, а он  
Занял свой княжеский трон, пышный, со спинкой  
резной,

Где замечательно был резчиком изображен  
Вакх, увенчавший быка вечнозеленой лозой.  
Здесь, за столом, собралось много армянских  
мужей,  
Витязей, славных в боях, смело встречавших  
врагов;

Не по высоким чинам, а по величью мечей  
Сели Сюника сыны, гости из всех округов,  
Вольные гор сыновья, латы забывшие снять,  
В блещущие, как щиты, панцири облачены;  
Громко кричала о том, хвастаясь, храбрая знать,  
Как, их мечам покорясь, пали в лесу кабаны.  
Пряжки на длинных плащах золотом блещут  
у всех,

Громко хохочут они, чокаясь чашей хмельной,  
Замок заполнив собой, свет и раскатистый смех,  
В окна и двери струясь, плещут горячей волной.  
Густо увешаны все стены до самых дверей:  
Рядом — колчан и кинжал, щит и охотничий рог,  
Копья в засохшей крови ими убитых зверей  
Грудой лежат на полу, загромождая порог.  
Двадцать высоких колонн в зале просторном —  
на них  
Факелы ярко горят, свет ослепительный льют,

Бегают двадцать рабов между столбов огневых,  
И поднимается пар от позолоченных блюд,  
Плавно над дичью плывет, облаком реет над ней  
И закрывает порой радужные витражи;  
И словно молний излом: в трепетном свете огней  
Вспыхивает серебро — ложки, кувшины, ножи;  
Шелк, и тафта, и парча радуют взоры гостей;  
Золотом оплетены, чаши и кубки стоят;  
В вазах цветного стекла — груды заморских  
сластей

Солнечные плоды тонкий струят аромат.  
Хохота белый оскал — шутка подчас солона,  
Тучных сатрапов тела бурно от смеха дрожат,  
Запахи пестрых цветов, пряных приправ и вина  
Над ошалелым столом, радуя ноздри, кружат.  
Трюфели взоры влекут (ими прославлен Сюник!),  
К ним голубиных сердец повар искусный припас.  
— Голубя сердце съедим, — слышится радостный  
крик, —

Чтоб как у тигра-бойца сделалась печень у нас!  
«Сердце, — ответил другой, — женское

я предпочту! ..»  
На галерее вверху — смех, словно звон бубенцов:  
Это армянки, сродни макам и розам в цвету,

Тоже сошлись пировать — но без мужей и отцов.  
Входят попарно рабы, чинно и мерно идут,  
Каждая пара несет тяжкий поднос с кабаном,  
Следом другие спешат, согнуты тяжестью блюд,  
Вносят гранатовый сок, вносят кувшины с вином.  
Миг знаменательный! Вдруг к шумным гулякам  
хмельным

Падают розы, летят, сыплются вниз с высоты,  
Словно сердца, не скупясь, женщины бросили им,  
Оруженосцы кричат, копьями бьют о щиты.  
Голуби под потолком чертят десятки кругов  
И, окуная крыло в плачущий светом фонтан,  
Дружно взлетают и вновь бусинками жемчугов,  
Каплями перлов кропят весело пьющих армян.  
Голуби, розы и свет радостный рай создают,  
Красный и терпкий растет в нем сладострастье  
гранат;

В чаши густое вино медленно кравчие льют  
И, наклоня кувшин, невозмутимость хранят.  
Трдат Багратуни встает, чашу подъемлет свою,  
Пристально смотрит на всех, тост произносит  
такой:

«За сладострастье Астхик! За Ванатура \*  
я пью!

Выпьем за похоть земли! Выпьем за пламень  
мужской!

Пусть в поцелуях они соединится не зря,  
В ваших прекрасных садах — их вождельня  
итог! . . .»

«Пьем, — отвечает Бакур, — мы за Тирана-царя  
Мир долгожданный твой тесть установить нам  
помог».

Голос раздался: «Увы, пьем за того, кого нет,  
Кто распрощался, порвал с миром живых  
навсегда!»

«Как, — закричали вокруг, — умер наш царь?»  
А в ответ:

«Царствует тело его в холоде вечного льда.  
Кубок прощальный вина пейте, армяне, до дна:  
Там, на Масисе \*, Тиран в снежную бурю попал;  
Только корона его из-под обвала видна,  
Солнце сияет на ней, встав поутру из-за скал».  
Вмиг облетела дворец эта нежданная весть,  
Не омрачив, не смутив лишь Багратуни, — ему  
Столько надежд принесла, что невозможно  
и счастье,  
Раньше печален он был, как погруженный во  
тьму.

«Выпьем, — сказал он, — ведь мы знаем, что  
в омуте зла  
Трон Аршакуни погряз, в бездну он катится,  
в ад!..»

Только лишь твердой рукой поднята чаша была —  
Сверху ударил его чей-то, как молния, взгляд.  
Женщина страстно глядит, чудится — прыгнет  
сейчас,

Силою восхищена, гордым размахом плечей,  
Львиною шеей его, блеском воинственных глаз —  
Можно бесследно сгореть в пламени этих очей.  
Жажда страсти мужской, им любовалась она:  
Черным разлетом бровей, грудью, упругой, как бук,  
Панцирь вздымавшей легко, точно морская волна,  
Сильной спиной его, мощью протянутых рук,  
Рук мускулистых — к таким льнут наподобие змей  
Женщины, трогая их, глядя, обвиться стремясь;  
Била красавицу дрожь, и обернувшийся к ней,  
Тихо приблизив к губам чашу воздетую, князь  
Черный свой взор погрузил дерзко в ее голубой,  
Выпил — от пены до дна — медленно чашу свою,  
Вынул он прядку волос, напоминавших собой  
Нежные солнца лучи, света дневного струю,  
Рот, увлажненный вином, насухо прядью обтер —

Да, волосами жены! Так он ей вновь надерзил,  
Вновь пред людьми, на пиру, вывел ее на позор;  
Дикий поступок его всех за столом поразил.  
Только лишь кубок пустой грохнул на стол он —  
и вот  
Зал зашумел, загудел в блеске багряных огней:  
«Люди, плясунья идет! Освободите проход!  
Под ноги бросьте цветы! Жемчуг рассыпьте  
перед ней!»

Голубоглазая вниз женщина медленно шла,  
Голуби плыли над ней, крыльями хлопая в лад,  
Свет покрывалом даря, словно звездой была,  
Глядя в глаза ее, вновь выпил вино свое Трдат.  
Тут появились певцы — звездных ревнители сфер,  
На плечи старцам легла длинных кудрей седина,  
Арфы напев зазвенел, ей отозвался зилэр \*,  
Бубен серебряный град высыпал в чаши вина.  
В лире, в утробе ее, в чреве самшитовом, враз  
Струны запели, бурля, волны взметнулись от них,  
И со струною струна, радостно соединясь,  
Подняли и вознесли славу столетий былых,  
Песнь всемогущих богов, мудрую песнь Анаит \*,  
Песнь любомудров-жрецов, звездный изведавших  
круг,

Что, вопрошая у змей, жгли их на мраморе плит,  
Песнь благородных бойцов в яростном блеске

кольчуг,

Копья сжимая, они двигались, рассвирепев,  
И прорывали ряды римлян, стоявших стеной;  
Плавно потом зазвучал храмовой пляски напев,  
Любящей девушки песнь, песня блудницы

хмельной,

Той, что, маня, возлежит под виноградной лозой,  
Для вожделяющих глаз выставив белую грудь...  
Праздничный зал осяв глаз голубых бирюзой,  
Женщина в танце пошла, двинулась в медленный

путь.

Тонкий танцовщицы стан — звали ее Назеник —  
Гибким, клонящимся был, словно трава на ветру,  
Трепет движений ее к пенью гусанов приник,  
Музыку он создавал, слившись с гармонией струн.  
Ей благовоющую смесь из аравийской земли  
В золото пышных кудрей втерла рабыни рука,  
Красной короной из роз голову ей оплели,  
И словно кровь пролилась с алых бутонов венка.  
Серьги сверкали в ушах, ошеломляя гостей,  
Струями сверху лились, прятались в ямках

ключиц,

Белые руки ее были повыше локтей  
В кольцах браслетов — на них жемчуг, достойный  
цариц.

И ожерелье лилось с шеи до темных сосков,  
Тысячами огоньков вспыхивая на свету,  
Флер невесомых одежд еле был виден — таков,  
Что пропускал, выдавал бедер ее теплоту.  
Туфли мелькают, кружат, звонко стучат каблуки,  
Стройные ноги вершат свой удивительный пляс;  
Окаменев, онемев, юноши и старики  
Смотрят, не сводят с нее страстных, восторженных  
глаз.

Взоры собравшихся здесь — только на ней,  
Назеник,

На золотых волосах, на белоснежных плечах;  
Словно озера — глаза: если туда ты проник,  
Смелым и гордым войдя, выйдешь поверженным  
в прах.

Синего цвета вуаль спала с протянутых рук,  
Дивную их наготу обнял ликующий свет,  
И в вознесенных руках громкий возник перестук:  
Четкие ритмы зилэр шли за движением вслед.  
Тело ее напряглось, трепетней стук каблуков,  
И, погружаясь сама в бездну движений своих,



Словно мелодии звук, тающий средь облаков,  
Так и она, Назеник, словно исчезла на миг.  
О, посвященный Астхик танец языческий, где  
Плоти молитва — иных радостнее и святей!  
О напряженье и дрожь чашеобразных грудей,  
Где молоко запеклось от непомерных страстей!  
О, эти руки! Они — белых подобие змей,  
Тех, кому с флейтою в лад тело кружить довелось;  
Ягодицы, что плодов райских круглей и нежней,  
Талия — тела всего тонкая, гибкая ось,  
Что так и манит плющом льнуть к ней, обняв

и обвив,

И, словно плющ, увядать, листья свои осыпать...  
Снова удары зилэр — словно горячий призыв  
Новое чудо творить, двигаться телу опять.  
Звонко зилэры звучат, так что их рокот сплошной  
Стал водопадом хмельным, сладким, как с медом  
питье;

Щедро по пальцам, с ногтей, ярко раскрашенных  
хной,

Льется гармония вниз, в кудри сочится ее.  
Сладостны звуки зилэр, словно бы сам Аполлон  
В сердце кифары \* своей руки ее обмакнул,  
И полновластно царит, неподражаемый, он

В зале, где смолкнул давно струн мелодический  
гул.

В музыке пальцев она чайкою белой плывет,  
В песне движений парит; слушая этот напев,  
Горлицы падают в плен золототканых тенет —  
Падают в кудри ее, от красоты присмирев,  
В кудри, которым дано литься подобьем волны,  
Вспыхивать и пламенеть, как пламенеет заря;  
Воины-гости сидят, похотью уязвлены.  
В полном молчанье они пьют, неотрывно смотря  
На наводнение волос, на водопад, на каскад!  
О, как парит Назеник, невыразимо парит!  
Вот она гибкой дугой вся изогнулась назад,  
Груди холмами встают, пол волосами покрыт,  
Морем волос золотых, что на закате горит...  
Сызнава прянула вверх, пола коснувшись на миг,  
О, как парит Назеник, неудержимо парит —  
С морем и солнцем в душе, вечно живая Астхик,  
Что собирает вокруг белых голубок своих,  
Бьющих крылами над ней, светлых, как в поле  
роса,

И, задыхаясь, смеясь, пробует, силится их  
В дерзком полете догнать и воспарить в небеса.  
Синяя вьется вуаль, праздничная пелена,



К капищу Вакха летит, в огненный омут, в вино...  
Так и плясала, пока не окунула она  
Душу свою, как вуаль, в каждую чашу, на дно.  
Вот уж все медленней шаг, вот уж все менее

сил,

Трдат ее грубо схватил мощной рукою — и вот  
Он на колени к себе женщину взял, посадил,  
Капля за каплей, как дождь, падал со лба ее пот,  
Трепетно жалась она к звеньям кольчуги тугим,  
Словно бы к ней от него передавался накал,  
Жадно он ей целовал пальцы, один за другим,  
И, как любовник, как муж, властно и дерзко

ласкал.

Громко Бакура спросил: «Кто эта женщина, князь?  
Если бы звезды в ночи семенем стали мужским,  
Если б Ваагну Астхик на небесах отдалась,  
Не разрешилась она б дивом и чудом таким.  
Дай эту женщину мне, если не хочешь вражды,  
И, обнимая зарю, я на заре ускачу!..»  
Захотали кругом гости, не чуя беды,  
Вспыхнул от гнева Бакур, руки рванулись к мечу;  
Но превозмог он себя, стиснул упругий гранат  
Так, что расплющил его, вымолвив: «Слушай, мой

гость:

В Грузии, гордой стране, женщин, как розы,  
растят.

Женщину эту в бою мне там добыть довелось.  
Против грузин-храбрецов там я сражался; моя  
Женщина эта — твоей, помни, не будет она;  
Или не терпится, князь, чашу свою по края  
Кровью горячей налить, опустошив от вина?»  
Но неуступчива страсть, хмеля безжалостен

плен:

Князя не слушая, Трдат, чашу подняв со стола,  
Женщину начал понть, не отпуская с колен,  
И, улыбаясь ему, смело плясунья пила.  
Яркие струйки вина пенились около рта,  
И с обнаженной груди алый струился поток  
В красное озеро, вниз, — в чашу ее живота;  
Эту багряную плоть рта, подбородка и щек  
Яростно он целовал, в них погружая свой рот,  
Он словно губку сосал — страстью охваченный

Трдат;

Все на Бакура глядят, смотрят в испуге, как тот,  
Дерзостью ошеломлен, в пальцах сжимает гранат.  
С женщиной в доме его так поступает наглец,  
Словно в давяльне своей спелые ягоды жмет!  
Кровью запахло! Бакур с места вскочил, наконец,

Ринулся, чтоб сокрушить, дерзкий заткнуть его

рот,

Смять его и зарубить, выкинуть тело рабам,  
Чтобы и памяти впредь не оставалось о нем!  
Но Багратуни пошел, как разъяренный кабан,  
Двинулся гневно вперед, словно колонна с огнем;  
Как выступают порой смерчи из глуби морской,  
Вышли глаза из орбит, стали огнем польхать,  
Захохотал он, обняв женщину левой рукой:  
— Тигру, лишь тигру дано запах тигрицы

вдыхать!..

Стоя, как мощный утес, пьяный, готовый на риск,  
Правой рукой он схватил, весел, отважен и груб,  
Блюдо — огромный, литой, медью сияющий диск —  
И с озверевшим лицом, с пеной, кипящей у губ,  
Бросил хозяину в лоб блюдо тяжелое он,  
Горестным отозвалась криком княгиня-жена,  
Многие гости гурьбой в ужасе бросились вон —  
Руки трусливы у них, если их совесть пьяна.  
Блюдо, сверкнув, нанесло много хозяину ран,  
Ухо в полете задев и окровавив висок,  
В камень колонны оно врезалось, словно таран,  
Искры рассыпав вокруг, мрамора выбив кусок.  
Князю Бакуру помочь бросилось несколько слуг,

Чашу с вином на столе красный дополнил

родник —

Это разбитый висок кровью сочился. И вдруг  
Шепотом, страха полна, вымолвила Назеник,  
Трдата за шею обняв: «Воин, отныне, поверь,  
Мне этот княжеский дом только побой сулит;  
Ты мне опасность принес — так вызволяй же

теперь,

Кубок желаний твоих мною открыто испит,  
Мести Бакуровой яд вечно придется мне пить,  
Кровь на тебе — а страдать во искупление зла  
Мне доведется? Спаси! Можешь ли ты допустить,  
Чтобы удар за тебя женщина вдруг приняла?  
Так увези же меня! Буду я ждать на заре,  
Если до этой зари, близкой уже, доживу;  
Сзади, у южных дверей, дерево есть во дворе —  
Людам с дороги видна лампа моя сквозь листву.  
Там поутру, на заре, встретишь, как розу, меня,  
Роза склонится к тебе и расцветет на груди».  
— Женщина, слушай в окно ржанье и топот

коня,

Свет не успеет задуть лампу горящую... Жди!  
И Багратуни, смеясь, с блещущей саблей в руке,  
Зная, что против него не обнажатся мечи,









Каждая сабля таит молнию злую свою;  
Скачет вдогонку Бакур ревность и злобу избыть,  
Князю воздать за позор, а полонянку-змею  
Не от позора спасти — тут же, на месте, убить!  
С ним пировавших гурьба, ярости той же полна,  
Льнуло вчера к ним вино, кровь их сегодня

зовет,

Вакх убаюкал хмельных, Арес \* отвлек ото сна,  
Память о бывшем вчера души надменные рвет.  
Страх перед блюдом литым, взвившимся возле

колонн,

После, наутро, зажег мести неистовый ад;  
Трдат на погоню глядел, весь напряжился он,  
Два скорпиона, ярься, лили из глаз его яд.  
Но зарыдала она, тесно прижавшись к нему:  
— О, погоняй, мой храбрец, воин, не медли

ничуть,

Рада себя я отдать в рабство мечу твоему,  
Лишь бы не стать их рабой! Пики нацелены

в грудь,

Где еще кожа хранит губ твоих влагу и зной. . . —  
Вжалась в кольчугу лицом, голос молящий ослаб;  
Надо ли битву принять? Чем бы окончился бой,  
Хоть и с обеих сторон равною смелость была б?

Свистнул пронзительно Трдат, вихрем погнал  
скакуна,  
Топот все горы потряс, черная пыль поднялась,  
В бешенстве взвыли бойцы, ринулись вслед, а она  
Снова взмолилась: «Гони, о мой возлюбленный  
князь!

Вижу — горит на щитах вспышками солнечный  
свет,

Скачут за нами враги, взгляды их — сабель

острей,

Вижу — стремят скакуны длинные шеи нам вслед,  
Рвется дыханье, как пар, из раскаленных ноздрей.  
Если б к сюнийцам попасть мне на беду довелось,  
Кровь мою выщедят всю, кости мои изгрызут. . .»  
— Тише! Глаза занавесь волнами светлых волос,  
И на груди у меня в сон погружайся, в уют.  
Спи же! До этих высот им доскакать не успеть,  
Как уже мы прилетим в любвеобильный

Ширак. . . —

Князь Багратуни рывком поднял крученую плеть,  
Бегу прибавил скакун — круча, низина, овраг,  
Взвихренный жгучий песок, пропасть, что ночи  
темней,

И, наконец, наверху, меж голубых ледников,



Скрылся, обрушив в провал сотни могучих камней,  
След отпечатков на них лунообразных подков.  
Он по вершинам летел, гордый, подобный орлу,  
Что куропатку несет, неумолим и жесток,  
Как исполин-водопад, он набежал на скалу,  
Как водопад, что влечет красный альпийский

цветок,

Лугом врученный ему... Князь Багратуни смотрел,  
Как воспарил его конь, словно обрел он крыла;  
Вдруг услышали они посвист пронзительный  
стрел:

— О, — прошептала она, — это нас смерть  
догнала.

Нас настигают они, в страхе и в ужасе я,  
Вот пролетела стрела прямо поверх головы,  
Слышал — шипела она, с огненным жалом змея?  
Кажется, капает кровь, льется с тугой тетивы,  
Белые гривы коней красит в багряный огонь.  
О повелитель, спаси! Ярость врагов неспроста,  
Знай, я служанка твоя, пусть же могучий твой  
конь

Будет покорен тебе, будет слугою хлыста! —  
Трдата моля, не смогла слез удержать Назеник,  
В горькой печали к нему так прижималась она,

Что сквозь доспехов металл стук ее сердца  
проник;  
С гривою конской слилась кос расплетенных  
волна,  
И трепетала она — голубь, попавший в силок,  
Страшен был, смертью грозя, ливень нацеленных  
стрел,  
Небо над ними, свистя, тучею он обволок,  
Страстно влюбленной чете песню о гибели пел.  
Трдат зарычал, словно лев: «Волки, на что вам  
клыки?»

Знайте, до глотки моей вам не дорваться, хотя б  
Вы, догоняя меня, высунули языки.  
Что же, бросайте вдогон ваши булавки для баб!»  
Плетью ожег он коня, втиснул в бока сапоги —  
Ринулся конь — и едва мысль поспежала вослед:  
Вот он вершины достиг — скачут в ущелье  
враги,

Вот он в ущелье нырнул — вышли они на хребет.  
Но на равнине одной сблизиться им довелось —  
Тучам разгневанным двум, полным кровавой воды,  
Спину и плечи ему стрелы пробили б насквозь,  
Если бы панцирь его не уберег от беды.  
Ими взметенная пыль встала, как огненный дым,

Встала, как жаркий туман; вот уже с силой  
метнуть  
Дротик собрался Бакур, чтобы ударом одним  
Спину пришельцу пронзить, ранить изменницу  
в грудь.  
Но, налетая с горы, вдруг камнепад загредел,  
Дрогнул Бакура скакун, в страхе замедлил он  
шаг,  
И, от погони уйдя, князь Багратуни сумел  
К лесу примчаться, к холмам — тут начинался  
Ширак.  
Ошеломлен, удручен, остановился отряд,  
Нет ему дальше пути здесь, у преграды лесной,  
Луки свои натянул, злобой бессильной объят, —  
Стрелы затмили весь свет черной летящей стеной.  
Радость пришла к беглецам — рядом граница  
была,  
Но не успели они скрыться в зеленую мглу, 0  
Как разъяренный Бакур выбрался вон из седла,  
Лук изогнул и пустил Трдату вдогонку стрелу,  
Так натянув тетиву, злобствуя так горячо,  
Что, как гадюка, стрела к цели пошла напрямик.  
И, зашипев, догнала, минула князя плечо,  
Жалом своим, острием в шею вошла Назеник,

Скрылась в потоке волос... Женщина дрогнула  
так,  
Будто бы с телом душе было расстаться невмочь;  
Но и сюнийцев вожак, и Багратуни-смельчак  
В ярости были — она все отодвинула прочь:  
Гибели мира никто не ощутил, не видал,  
Каждый мечтал лишь о том, как уничтожить  
врага,  
Только встревоженный конь трижды заржал —  
зарыдал  
В миг, как под брюхом его, дрогнув, застыла  
нога...

## IV

Двор постоялый — приют рядом с лесным  
рубежом,  
Словно гигантский дворец, он при дороге возрос,  
Путника манит к себе, зеленую весь окружен,  
Пахнет прохладой тень, пахнет подсохший навоз.  
Отдых отрадный для тех, кто от жары изнемог,  
Тех, чьи усы, борода, брови от пыли белы,  
Тех, кого жгло дочерна солнце далеких дорог.

Входят сюда, волоча груз непомерный, волю;  
Мулы, хромая, бредут; бодро идут ишаки,  
Сладкий неся виноград; важно один за другим  
Входят верблюды — они специй заморских тюки  
Плавно колышут, гордясь грузом своим

дорогим,

Травы далеких краев мерно, спокойно жуют,  
Лежа, колени согнув, слушая звон бубенца...  
Двор постоялый — уют, неба подарок, уют,  
Он на бескрайнем пути, дальнем, чьи оба конца  
До горизонта текут и исчезают вдали;  
Тут насладится любой сладостною тишиной,  
Дым поднимается вверх — это очаг разожгли;  
Тут, чтоб унять, приглушить летний безжалостный  
зной,

Паханье льется во рты, дивной прохладой  
струясь;

Вход тут и выход открыт каждому, кто захотел;  
Вот и приехал сюда скачкой измученный князь,  
Чтобы укрытие найти от солнцепека и стрел.  
А у него на груди, словно к нему прикипев,  
Не шевелясь, Назеник статуей белой лежит.  
Горе! Не тронет уже песни зовущий напев  
Дивное тело ее, замершее, как гранит.

«Что с ней? Сознания ли нет? Сна ли безудержна  
власть? —

Думал он, правя во двор, шаг замедляя коня. —  
Могут ли окаменеть сила, движение, страсть,  
Белой могильной плитой лечь на груди у меня?!»  
Остановил он коня, спешился быстро и вмиг  
На руки принял ее, бережно снявши с седла;  
Вдруг увидал: в волосах — алый застывший

родник,

В шее лилейной ее скрыта убийца-стрела.  
Тело у князя в руках глухо, недвижно, мертво —  
Трижды проклятье судьбе, так обманувшей мечту!  
Дыбом под шлемом стальным волосы встали его,  
Только почувствовал он сердца ее немоту.  
И лишь подумал, что здесь было в реснице одной:  
Больше, чем миру всему щедро дала красота,  
Что эта дивная плоть свет излучала дневной,  
Что, ароматом дыша, мед источали уста,  
Вспомнил, что в пальцах ее тайна была —

мастерство,

Что и веселенную всю снова могло сотворить,  
Вспомнил вчерашний разгул — как на глазах  
у него:

Этому телу легко было летать и парить.

Плача не знавший вовек, дрогнул, заплакал утес!  
О, эти струйки из глаз, что водопада сильней,  
Слабость героев — поток сердцем исторгнутых  
слез,  
Падающих на венки прошлых блистательных  
дней. . .

V

Старый поблизости рос тополь, дарующий тень,  
Доброю феей лесной был он когда-то взращен,  
Ветка за веткой подряд он высыхал в этот день,  
Желтые листья свои скорбно выплакивал он.  
В бурную некую ночь молнией грянул Зевес,  
Дерева сердце разбил в гневе бесцельном своем;  
Ныне вершина его, что достигала небес,  
Шелест зеленый забыв, голым торчала копьем.  
В черных накидках жрецы вышли с мотыгами.

Тут,

Где этот тополь стоял, в старом саду, за двором,  
Вечной Астхик помолясь, черный последний приют,  
Избранный для Назеник, рыли они вчетвером.  
В мощных объятьях своих тело плясуньи держа,  
Торем внезапным, бедой испепеленный дотла,

Трдат Багратуни рыдал, словно в ознобе, дрожа,  
А в волосах у нее злобно мерцала стрела.  
Дерево ожило вновь, раны смогло побороть  
И породило побег, прежней листвы зеленой, —  
Это ее, Назеник, светлая, вечная плоть  
Соки живые влила в жилы могучих корней.  
Так и считали с тех пор, что в серебристой волне  
Кроны шумящей жила дивной плясуньи душа:  
Мчалась под звуки зилэр и улыбалась луне,  
Танец бессмертный творя, ветру вдогонку спеша. . .





## Из цикла «Цветы Голгофы»

### Умиравший рабочий

Ветер вопит и свистит, и, на могилу похож,  
Весь сотрясается дом;  
Скручен чахоткой бедняк, сено примяв головой,  
С жизнью прощается в нем.

Свет и сиянье души он на заводе зарыл,  
Отдал за хлеба лопоть,  
И на потребу станкам отдал он мышцы свои,  
Отдал могучую плоть.

Мозгом он зубья колес смазывал, кожей своей  
Он шлифовал провода

И в ядовитых парах, с голою грудью, хрипя,  
Жил, умирая всегда.

Прежде колосс, он сейчас — тополь, в который,  
губя,

Жало секиры вошло;  
Всю свою жизнь воевал с мертвым железом и стал  
Хрупок теперь, как стекло.

Синие эти глаза желтой могильной землей  
Тронула смерть, подходя;  
Тело сквозит напросвет, медленно тает, как воск,  
Льется, как струи дождя.

Зря вспоминает, что был ранней весной, на ветру,  
Мощным, как кряжистый дуб;  
Зря вспоминает, как он смачивал влагой ручья  
Песни, летящие с губ.

Бледностью вместо лучей, копотью вместо цветов.  
Лоб его влажный покрыт;  
Песни любовной взамен, на посиневших губах  
Кашель кровавый кипит.

Кашляет он, прислоня голову к дряхлой груди  
Матери старой, седой,  
Очи которой на мир смотрят, слезами сочась,  
Полны грядущей бедой.

От изголовья его скорбно распятые глядит,  
Но не упала на лоб  
Сверху Спасителя кровь, а бедолагу вблизи  
Ждет неминуемый гроб.

Домик, что склепу сродни, ветер осенний трясет  
И завывает, как зверь,  
Черный испуганный кот, чуя идущую смерть,  
Стонет, царапая дверь...



### Машины

В городе, смятом жарой, где сквозь огонь и сквозь  
Ярко блестят серебром крыши, церковей купола, —  
Фабрики грохот и гул, ржавые кровли торчат,  
Лезет из горла трубы дым, словно черная мгла,  
Пачкает дегтем густым небо цветущего дня,  
Пóтом на стены ложась, черным стекая дождем,  
Слышится рык из глубин фабрики, полной огня;  
Друг мой, войдем же туда, вместе с тобою  
войдем.

Сеем мы бурю — и нам муки с тобой собирать;  
О, что за шум, что за смерч! Адского пара волна  
В тело проникла мое, словно враждебная рать,  
Бешеный круговорот, пляска металла страшна!..



С грубою силой машин мускулы слив, обнявшись,  
Сотни рабочих-рабов ткани, трудясь, создают,  
С копотью падают вниз, с пламенем прядают

ввысь,

Тянут, грызут, ворошат, истово, яростно бьют,  
Чтоб дорогой красотой стала материя тут,

Светом бы сделалась шерсть, пот превратился

в сапфир;

Труд, задыхаясь, рычит, стал созидателем труд,

Словно дракон, что родит в корчах, колеблющих

мир;

Золото хлещет волной; в зыбком теченье своем

Крепнет она, а затем в мир отправляют ее.

Мрачно массивы машин властвуют здесь над умом,

Словно в укрытиях берлог бодрствующее зверье.

Толстых цилиндров толпа вверх, за башкою башка,

Дружно стремится, растет, лезет; мгновенье спустя

В бездны распахнутые рушится вниз с потолка...

В гулкой крутясь пустоте и беспрерывно свистя,

Шестерни мерно кружат, острые зубы — клыки

В десны друг другу вонзив, воют, подобные псу,

И, громыхая, рыча, как перекаты реки,

Приводы мчатся, текут от колеса к колесу

Через ободья осей; в грохоте грозной игры —

Жилы машины — они связь и движенье вершат,

И если лопнет один, ладные эти миры

Рухнут, друг друга сомнут, все на пути сокрушат,

Золота смерть возгласив, Силе хвалу вознеся...

В каждом из сотен станков — празднество

веретена;

Комьями движется шерсть, денег исполнена вся,

Зубья кромсают и рвут, мнут белоснежность руна,

Ключья летят и кружат, легкие, как мотыльки,

Гонит, вздымает их ввысь ветер гудящих машин,

Метят они белизной стены, моторы, станки,

Бликами солнечными потных касаются спин.

Через основу бежит лучеподобный уток,

К нити равняется нить, к ряду равняется ряд,

Тысячи нитей сошлись, и торопливый поток,

Ими рожденный, шумит, падает, как водопад;

Безостановочен бег — бег работяг — челноков,

Не замедляется он, толщу навоя круглит...

Гулом машинным полна фабрика вся до краев,

Вся до краев в суете — воет, клокочет, бурлит.

Эти машины живут, словно планет череда, —

Друг возле друга крутясь, не выходя из орбит;

Крышку большую порой вверх вознося без труда,

Паром наполнен, котел, не остывая, кипит.

Пар пробивается ввысь, стены в кровавом поту,  
Паром объят, потолок льет за слезою слезу;  
Жизнь тут творит, уходя в небытие, в темноту...  
Бешеный горна огонь вечно бушует внизу,  
Золото жрет, а потом копотью черной блюет,  
Отсвет багровый и дым плещет, гудя, через край,  
Как из ковша, на людей кровь зараженную льет;  
Друг мой, пойми — это ад, где еще веруют в рай,  
Это скелетов живых будничная суета,  
Воздух, и зелень, и свет — все от несчастных

вдали,

Все, что порою пьянит даже слепого крота,  
Тщетно мечтают они о поцелуе земли —  
Но не дождется его сдавленный стенами люд! —  
Тщетно омыться хотят, в небо, как птицы, взлетев,  
Слепнут без солнца глаза, тьма и тоска настают,  
Всюду железо вокруг, всюду железный напев.  
Идол — машина для них, грозная их госпожа,  
Жестокосердный двойник рыкающего зверья,  
Ей поклоняются все, служат и молят, дрожа,  
Пыль смертоносную пьют вместо воды из ручья.  
И чтобы хлеб, что в зубах держит безжалостный  
зверь,  
Вырвать из пасти его, жизни они отдают;

Шумные, злые валки — я это вижу теперь —  
Судьбы людские жуют, кровью на стены плюют.  
Рьяно колеса гремят в воздухе этом сыром,  
Мясо зубцами дробят, рвут друг у друга куски,  
Вижу я, вижу теперь: весь этот бешеный гром,  
Зверь, извергающий пар, когти его и клыки —  
Словно в крови палачи, словно убийцы, красны,  
И застарелый порок, тот, что внутри бушевал,  
Рады наружу, наверх, вышвырнуть из глубины...  
Друг мой, всего лишь вчера этот неистовый вал  
Юношей двух умертвил, кости сломав, раздробив,  
Двух молодых, чьи глаза полнились светлой  
весной.

И все течет и течет, как неумный прилив,  
В мир, через поры сочась, золото жаркой волной...





### Царь царей

Пало надгробье того,  
Кто был владыкой владык,  
Перед престолом его  
Мир уstraшенный поник.

Меч его, гибель суля,  
Лязгал вблизи и вдали,  
Жаждала крови земля,  
Сам же он жаждал земли.

Я у могилы присел,  
Праху его говоря:  
— Только поэт изо всех  
Нынче жалеет царя.

Хочешь, чтоб склеп тут возник?  
Или иным чем помочь?  
— Землю, — сказал он, — возьми,  
Землю — дышать мне невмочь...





### Перерыв

Это — затишье в аду, это — дневной перерыв:  
Спят, остывая во сне, словно драконы, котлы,  
В пасти трубы даже дым остановился, застыв,  
И приводные ремни, и челноки, и валы  
Вдруг перестали шуметь, замерли вдруг на бегу;  
В этом покое слышна только одышка раба —  
Это усталых машин тяжкий, стихающий гул.  
Пусть на металле блестят, словно бриллианты,

со лба

Капельки пота, и пусть в свете искрятся они;  
Мерзкозеленые пусть мухи жужжат на свету,  
Как бы смеясь над людьми, над бытием их. . .

Взгляни,

Встав у ворот проходных, на толкотню, суету:

Это наружу плывет море рабов — мужиков,  
Прибыли гений спешит, в рваные тряпки одет,  
Тот, что носил на плечах тяжкие глыбы веков;  
Это титаны в грязи — те, что в сиянье планет,  
В звездную пыль никогда не окунали волос,  
Сажа и копоть одни были в удел им даны,  
Сердце же их что ни день к сладкому ветру

рвалось,

Ноздри рвались и глаза к запахам, к свету весны,  
Спины седых стариков жалобный треск издают,  
Их сочлененья скрипят, словно разошлись; они  
Тихо клонятся к земле, в ямы, в могильный уют,  
Старым подгнившим столбам, старым опорам

сродни.

Девушки — остовы роз, вянущих здесь задарма,  
Зря на крылах мотыльков ярко сверкает пыльца,  
Взоры не будет манить длинных ресниц бахромы,  
Знаю, вовек не сойдут копоть и сажа с лица.

Матери жалкие здесь с лоном, иссохшим давно,  
Где только слезы одни, где не осталось семян,  
В выжатых гроздьях грудей — не молоко, не вино;  
Пили веками из них только тоску и обман.

Всех перечесть их нельзя — тех, что без всякой

вины

Жертвой Златому Тельцу брошены здесь  
на алтарь;

Спины изранены их, руки их обожжены,  
Блеск и сияние глаз выела вечная гарь.  
Взгляд их теперь — неживой, тусклый, как старая  
жесть,

Тихо увяли, сомлев, не распутившись, сердца,  
Тупо за хлеб продают душу, и разум, и честь,  
Пот неизменный блестит в резких морщинах лица.  
Раб только саван купить сможет во все свои  
дни,

Только в день смерти своей будет он счастлив  
и сыт...

Всех перечесть их нельзя; это воздвигли они  
Тайнство Сфинкса, дворцы, вечную жизнь  
пирамид.

В лестницы тронов, хрустя, лег за скелетом скелет,  
Теша царей и жрецов, к звездам вздымался  
дворец,

Но и сегодня найдешь истых создателей след:  
Лилию кости грудной, угли сожженных сердец.  
Стены султанских палат сладил кровавый раствор,  
Стон их протяжный родил монастырей тишину,  
Панские туфли покрыл пота жемчужный узор,

Плугу их Бог поручил девственную целину.  
Идолов злых возвели, первыми жертвами став,  
Крест оссияли, но свет — не для рабов-простаков,  
И обточили собой, плотью горячею сталь  
Пик и железо чужих победоносных подков.  
Сила мужицкая их скал раздробила гранит,  
Золота волны и кровь властно заставила течь;  
Да и в сегодняшний век Арка Победы стоит  
На бесконечных холмах спин их, голов их и плеч.  
Нынче, в полуденный час, тут, у фабричных  
ворот,

Люди подобны рабам, согнанным плетью на торг;  
С голою грудью, в рванье, плечи ссутулив, народ  
Темной подобен реке — пенится мутный поток,  
На ручейки, на ручьи снова и снова дробясь,  
Вширь растекаясь — в дома, в улицы и на  
мосты,

Бездну в себе волоча — фабрики грохот и грязь,  
Город собой наводнив, вычернив все уголки.  
Голодны вечно они, как опаршивевший пес,  
Тот, что из стада навек выгнан пинком пастуха,  
Доля вседневная их — черствая корка, отброс,  
Вместо лепешки простой — с черной мукой  
шелуха;



Доля их — потом солить жидкий копеечный суп,  
Голову низко склонять, как в ожиданье беды;  
Доля их — хлеб, как земля, — вязок, тяжел он  
и груб,  
В уличной лавке за грош купленный с кружкой  
воды;  
Доля их — изредка съестть ломтик гнилой  
колбасы  
И растянуться потом, трубку свою закурив, —  
Вот их мечта у станка в долгие эти часы,  
Вот о чем грезят они, вот что сулит перерыв...  
Молча шагают они в копоты, в сажу, в пыли,  
Улиц просторных пути узки и тесны для них,  
Кажется, рушит поток все наслоенья земли:  
Замки, палаццо, дворцы, парки, торцы мостовых,  
Словно бы вымерло все самодовольство вокруг,  
Только идет впереди сытых терзающий Страх;  
Бьются рабочих сердца, слышен глухой перестук  
Ребер голодных, сухих, словно камней в  
горах.  
Зубы скрежещут, жуют, и набегает слюна,  
Голод съедает себя — зверь, пожирающий труп,  
Даже от камня идет запах сладких волн,  
Будто желанный их хлеб мягко касается губ.

Слушай, товарищ, толпу — слышишь ли вопли  
обид,  
Выкрики тех, у кого вечно тоскуют кишки?  
Вдруг пламенеют глаза, кровь, загораясь, кипит,  
И в ожиданье они стискивают кулаки.  
И голоса, голоса, что над народом звучат,  
Чтобы божественный акт, чтоб преступленья  
свершил...  
О, великаны сердца — бьются, грохочут, стучат,  
Словно удары лопат, роющих бездны могил!  
О, эти руки рабов с выжженным насмерть  
клеямом,  
Красными станут они от неизбежного зла!  
О, эти ноги — шаги грубых сандалий, как гром,  
Как в тишину городов — смертные колокола!  
О, напряжение мышц — плечи мужчин, мужиков,  
Жизни людской, бытия заживо гнивший оплот...  
Все эти люди — как смерч, все — словно молнии  
зов,  
Грянет однажды гроза — мир до основ потрясет.  
Завтра, надменность круша, встанет над городом  
Рок,  
Грянет гроза и зажжет свет, разгоняющий мрак;  
Вот оно — чрево домов — жирное сало кишок,





Потом — тот век, что был изранен, как Христос, —  
Зарю, грядущую в страданиях родовых,

Когда ты в ней сердца угасшие найдешь,  
Борьбу извечную железа и людей,  
Злодейство наглое, разнузданную ложь,  
Которым кровь невинных роз всего нужней, —

Пойми, что песням этим было суждено  
Запечатлеть усладу боли, боль услад,  
Ведь сердце — чаша, где налитое вино  
Благие боги в кровь свою преобразят;

Знай, что Пегаса солнцееокого узду  
Держать не может чуждый песне человек,  
Что крикам ворона, вещающим беду,  
Остановить невмочь коня крылатый бег;

Знай, что у критика всегда один лишь глаз,  
А осторожный моралист — всегда кастрат;  
Кто сможет взвесить на одних весах зараз  
Миры Вселенной и души своей разлад?

Лишь только тот поймет пьянящую Мечту,  
Кто бытию открыл и ноздри, и глаза,  
Тот, кто сполна узнал и грязь, и чистоту,  
Кого коснулась благотворная слеза.





О век, о век!

(поэма)

Век, наступающий Век, светлый, как солнечный шар,  
Будущее воспарит, Век, из утробы твоей,  
Сладкое звезд молоко, ясных закатов вино  
Влагой живой дополна груди наполнит твои.  
Хоть и барахтался ты в мерзкой постели греха,  
Хоть и тонула Мечта в озере крови порой,  
Но, над тобою паря, северных сполохов блеск  
В тело твое источал животворения сок.  
И, как в полете орел, сверху идея следит,  
Как ты измучен, измят корчами мук родовых.  
В Вечность светильником ты, жизни надеждой  
войдешь,

И на утесе времен, неба достигшем главой,  
Молния, бури дитя, выкует имя твое,  
Перлы пергамент вберет — там твоей воли огонь,  
Искры из-под молотка будут запечатлены.

. . . . .  
Вот кандалы и замки с лязгом народы крушат,  
Ими хозяев своих гневно бичуют они;  
Даже восток заалел, как молодая жена,  
Что из покоев своих розой идет поутру.  
Древних земель города, в рабстве века продремав,  
Ныне бурлят, словно печь, где расплавляясь,

течет  
Старый закон золотой вместе с железным яромом.  
И над Ираном идет огненный дождь из свинца,  
Ливень из пепла. . . Красны розы цветущие — там  
Птиц наслажденья убьет неотвратимая смерть;  
Дом Сасанидов дрожит, ветхий фундамент тряся,  
Шахский безмолвствует меч там, где глаголет  
народ. . .

Мерзостна низость владык, подлость  
сатрапов-скопцов,  
Тех, что проворно бегут западным тронам служить,  
Мантий парчовых края фартуками подвязав!  
А звездокий скакун, грозный Восстания конь,

Жгучей подковой крушит Дария древний престол;  
Там, где падет его след — древо Надежды встает,  
И изнуренный народ начал качать колыбель  
Крепнувшей Персии — там, где похоронен Иран;  
Здесь, от армянских долин до Византии самой,  
Зори встают от могил мучеников-армян.  
Жертва веков, армянин, избранный Вечностью, ты,  
Словно Израиль, в жару и в угольках очага  
Греешь надежду в ночи, утром в унынье одет;  
И опустившись на дно крови безбрежной своей,  
Сердце на поиск отдав, гением можешь найти  
Перлы свободы, о Век, для диадемы твоей;  
Вот уже солнечный свет виден глазам бедняка;  
Будет конец палачам, даже монголы встают;  
Вот уж сверкающий меч ножны покинул свои  
Ради победы святой, ради возвышенных дел;  
Ныне впервые Стамбул с улиц, мостов, площадей  
В путь провожает народ, цель осознавший свою —  
Выбранную им самим светлую, чистую цель.  
Кровь изрыгает тиран — ту, что он пил из людей,  
Азии стертый порог пурпуром алым горит...  
А по соседству, вблизи, в яростном взрыве  
страстей  
Стены традиций крушат вечные Гог и Магог\*,

И из распяленных труб голос гремит о конце  
Ветхих законов, старья, мумий, набитых трухой.  
На бесконечных полях дальней России звучат  
К битвам призывы, к боям для воплощенья

Мечты...

Даже вокруг полюсов бомбы, как громы, гремят;  
Скалы, алмазные льды рушатся вниз, и медведь,  
Трубами бунта смущен, ими напуган, глядит  
В страхе, как в небе ночном сполохи ярко горят.  
Если восстанет тюрьма — рухнет роскошный

дворец,

Словно убогий закут, бурей поваленный ниц.  
Бомбы от финских болот и до кавказских вершин  
Рвутся, и в грохоте их, в яростных взрывах растут  
Роз раскаленных кусты в огненных, жарких садах.  
Вот восстают ото сна души творцов молодых;  
Пламя и кровь, единясь, в бурном потоке своем  
Гонят и топят, несут в бездну минувших времен.  
Идолов златолитых, алчных верховных жрецов,  
Кодекс законов гнилой, скипетров ржавую жечь.  
Шествует Бог — Человек, тот, что бессмертье  
обрел,

Солнца достигший челом, сбросивший цепь

Прометей,

Он, протянувший свой серп прямо к ногам  
божества,

Звездные косит луга, лунные косит поля,  
Неба священный огонь сеет на нашей земле.

Век, ты Ферреро \* двойник, гордый, несломленный  
дух;

Вот он — испанский вулкан, вот — португальский  
пожар.

Бык устремляет рога на малодушный Мадрид,  
Объединились рабы римский разрушить престол.  
Кровью окрасил, залил всю Гваделупу \* мятеж,  
И водопады режут в гулких расселинах: «Мечь!»  
А андалузки в венках, встречи любви позабыв,  
Преисполняются сил, влившись в ряды храбрецов,  
Черные волосы их вьются, парят на ветру  
Рядом с горящим, как кровь, шелком мятежных  
знамен.

Вот уже вольная Мысль смело открыла для всех  
Сомкнутые до сих пор Мудрого Сфинкса уста;  
Чудо с людьми говорит, учит и пестует их,  
И в беспощадных когтях рвутся на клочья листы  
Книги лукавства и лжи властолюбивых жрецов.  
Слышит и Север, и Юг, Запад внимает, Восток:

Голод взывает, как пес, плачет он, как Иисус,  
Мудрость — настала пора! — жертва всегдашняя,

ты  
Силою стала, хотя мученицею была,  
Ты, словно мир на земле, есть непреложный

закон —  
Тот, что не видел Сократ, тот, что мечтался

Христу.  
О, наступающий Век, Век, сокрушающий зло!

Церковь трясется — дрожит ветхий фундамент ее;  
Цепи педантов тупых, постные прописи их  
Не в состоянии сковать Библии пламенный дух;  
Косные пастыри злость волчью вбирают в сердца  
И пожирают овец... Души уходят от них,  
Чтобы под звездным шатром, таинств касаясь,  
бродить,

А не бездумно пастись, с пастью разбойной  
смирять.

Тщетно старик Ватикан, лепту былую забыв,  
Пробует ржавым ключом горние двери открыть;  
В храмах продажный разврат буйно, привольно  
живет,  
Блудным желаньям приют гостеприимно открыт...

Новым Содомом, чумой ныне становится Рим.  
Тщетно, напрасно они в храме своем что ни день  
Агнца с торгов продают, пышно толкуя о том,  
Как благодетелен рай, как преисподняя зла;  
Тщетно, напрасно они властью духовной грозят:  
Мучась от ран вековых, стонет народ и рычит,  
Хочет, чтоб Господа взгляд в душах свободных

людей  
Отсвет свободный нашел... Савонаролы \* душа  
Сызнова возрождена в душах у тех, кто живет  
За монастырской стеной... Ярость кипит и бурлит  
Даже в соборах седых, щедро увитых плющом:  
Рати надменных церквей разных земель и краев  
Снова, неистовствуя, сталкиваются в бою.  
О мой Джордано, костер, где ты сгорел,

как святой,  
Ныне твои сыновья, в ярости мстя за тебя,  
Вновь раздувают; в него ризы прелатов летят,  
Грозные буллы и весь мертвый педантов устав,  
Память о кальвинах злых, перстни святейших

юнцов —  
Перстни, которыми зло двадцать столетий подряд  
Рот запечатывало истине, чести, уму.  
Преосвященства без митр и кардиналы без риз,

Евнухи и холуи в спальнях султанских дворцов,  
Те, чей божественный крест кровью запятнан

людской,  
Ныне растоптаны в прах, свергнуты бурей судьбы;  
Все человечество, весь путь его — это и есть  
Божий антихрист с высот, вызванный Страшным  
Судом —  
Бог его сам обещал, Бог его сам ниспослал.

О наступающий Век, шестивуй! Да будут в тебе  
Взлеты, паденья, бои, жертвы, победы, борьба...  
В вечном движении ты — с кровью людскою сосуд,  
С мозгом и волей, с мечтой воинов, павших в боях,  
Ты — как плавильная печь: выйдет из пламени мир  
С ясной зарею на лбу, мир, обновленный огнем,  
Мир, чье достойно лицо солнечных светлых  
лучей...

Век, ты — надежда людей, утро грядущего дня...





## Из книги Песнь хлеба

---



### Зов полей

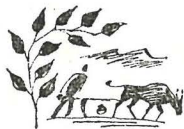
До предела, еле видного, от сел  
Распростерлась вся земля — наша мать.  
К нам весна уже пришла! Снег сошел  
И не в силах наготу укрывать.

Ждем в объятья вас к себе, мужики!  
Пахнет радостным апрелем восход,  
Лед растаял, и журчат ручейки,  
И нарцисс из нашей плоти растет.

Вождедея, мы, как женщины, ждем,  
Чтобы семя в наше лоно вошло;  
Наша радость, наша боль впереди —

Если пот на нас прольется дождем,  
Если станет от колосьев светло,  
Если лемех прикоснется к груди.





### Пахари

Рыцари наших полей — гордые дети земли,  
Потом жемчужным горя, пашни венец им сплели.

Сердце страны в их груди, мощный разносится  
стук,  
В жилах широких течет солнцем расплавленный  
юг.

Мир содрогается весь, если шагается им,  
Но под гигантской ступней даже росток невредим.

Вечно над ними, когда молятся у алтаря,  
Пыль от соломы стоит нимбами из янтаря.

В борозды сеют они радость людскую — и вот  
В бороздах лиц их добро бог с благодарностью  
жнет.

Слышно лишь им, что поет сок животворный,  
хмельной;  
Что за беда, что волы мажут им руки слюной

И что навозом разит от пропотевших рубах?  
Первыми все семена в их прорастают руках.





### Во́лы

Во́лы красны; на лбу, на белых звездах  
Висит, качаясь, синий талисман;  
Они, вздыхая, пьют весенний воздух,  
Глядят в поля сквозь утренний туман.

Они стоят, отведав вдоволь сена,  
Как идо́лы, взирают свысока,  
Хвосты длинны, расчесаны отменно  
И, словно змеи, хлещут их бока.

Люблю их спины с тысячами складок,  
Ноздрей дыханье влажное, глаза

С мечтой о поле, запах чей так сладок,  
Мычащие утробно голоса,

Когда все стадо медленно идет,  
Рога вонзая в солнечный восход.





И на закате, когда, весь от усилий дрожа,  
Лемех, застрянув в земле, тихо замрет наконец,

Пахарь усталый решит, на урожай ворожа:  
Ткнулся стальной его плуг в золотом полный  
ларец.



### Сев

Вот он стоит, сеющий хлеб. Яркий восход  
С края земли тянет к нему луч золотой.  
Поле его — тут, перед ним, властно зовет,  
Манит его ширью своей и наготой.

Фартук его полон семян — звездных огней,  
Счастье земли — в правой руке, полной зерна,  
Пашня лежит, ждет его горсть, грезит о ней,  
И, как заря, над бороздой всходит она.

Сеятель, сей! Чтоб процветал мирный твой дом,  
Нужно тебе осеменить каждую пядь,  
Завтра зерно, что рождено тяжким трудом,  
Будет чело внуков твоих благословлять.

Сеятель, сей! Землю корми досыта, так,  
Чтоб оделить алчущих всех, сытость дая;  
За урожай, ждущий тебя, нынче бедняк,  
Грош свой отдав, свечку зажег у алтаря.

Сеятель, сей! Божьих просфор сынь семена,  
Ныне тобой сеются свет и красота,  
И в зеленях добрая власть будет видна —  
В каждом ростке вызреет часть тела Христа.

Если твой взмах минет межу — сей все равно!  
Сей, как звезда, сей, как волна, сей свою плоть;  
Что за беда, если склюют птицы зерно?  
Вместо него жемчуг туда вложит Господь.

Сей от души, пашни своей радости множь,  
Сей, чтобы свет в лоно земли золотом влез;  
Вечер уже; тенью руки ты достаешь  
Вплоть до черты края земли — и до небес!



### Борона

Комья ровняй, эй, борона,  
В землю пшеницу зарой;  
Перлами стать вам, семена,  
Если сроднитесь с землей!

Эй, борона, крылья раскрой,  
Трогай усердно поля;  
Нынче зерно — завтра горой  
Хлеб, что скрывает земля.

Раны пластов тронь, борона,  
Чтоб излечились они;  
Пашня крута, словно волна, —  
Ты ее угомони.



Эй, борона, в комья ударь,  
Бороздам сплющивай рот,  
Наше зерно — желтый янтарь —  
Пусть воробей не крадет.

Ямки, бугры в черной земле  
Выровняла борона...  
И семена в доле, в тепле  
Пухнут, как коз вымена.



### Всходы

В глуби земли в лунную ночь  
Семя взорвал бешеный сок,  
Зелень взошла радостным днем.  
— Мать, принеси, дай мне росток —  
Едкий мой пот виден на нем!

Нежных ростков поле полно,  
Хлынув вовсю, всходов поток  
Как изумруд, светит огнем.  
— Слушай, сестра, дай мне росток —  
След от слюны бычьей на нем!

Зелени блеск нивы покрыл,  
Словно простор свечки исторг;  
В каждом ростке жемчуг найдем.

— Быстро, пастух, дай мне росток —  
Солнечный луч пляшет на нем!

Землю красой хлеб одарил,  
Преобразил хрупкий цветок;  
Глыб в зеленях черен проем.  
— Свет мой, жена, дай мне росток —  
Запах твоих пальцев на нем!

Там, на полях, вспыхнул миндаль —  
Факел весны и красоты;  
Как он хорош! Слушай, семья:  
— Дайте скорей эти цветы,  
Розовый дым — эти цветы,  
Верю я — в них жатва моя!



### Весенний дождь

Это не дождь, что сплошной пеленой  
Виснет над полем упорно, —  
Ливень весенний, он сыплется вниз,  
Словно прозрачные зерна.

Словно сочится, растаяв, звезда  
Влагою струек отрадных,  
Моются в свете сверкающем их  
Нива, бахча, виноградник.

Вдруг синева захохочет до слез,  
До бриллиантовой пыли,  
И воспоют плодородье ручьи,  
И просветлеют, слепые.

Вниз по бескрайности льются, шумя,  
Синие капли сапфира,  
Полные солнца, веселья, весны  
И сотворения мира.

Овцы, умытые свежей водой,  
Бродят по мокрому лугу...  
Запах, пленительный запах земли  
Всю заполняет округу.

В наших пропитанных потом полях,  
Где семена окопались,  
С новою силой восходят ростки,  
В капельках теплых купаюсь.

И, по преданию, озарена  
Радугой яркой, цветною,  
Лань олененка родит в этот миг,  
Схожего ликом с луною.



### Моря колосьев

Ветер летит;  
Тихо пшеница проснулась, и вот  
Трепет по ней бесконечно плывет,  
Властно на склонах зеленых царя,  
Плещут моря!

Ветер летит;  
Так плодоносные волны валят,  
Что утопает в них стадо козлят.  
Лону лощины волненье дая,  
Плещут моря!

Ветер летит;  
Платья пшеничного каждая пядь.

Рвется, шивается, рвется опять;  
Тенью мерца и светом горя,  
Плещут моря!

Ветер летит;  
Гнутся колосья; на них широко  
Льет из кувшина луна молоко;  
С мельницей, с ригой, с гумном говоря,  
Плещут моря!

Ветер летит;  
Как изумрудная нива блестит!  
Крошка снегирь на колосьях свистит;  
Волнами лихо просторы бугря,  
Плещут моря,  
Ветер летит!



### Полевой сторож

— Эхей! Да не придет сюда никто — не честный  
и не вор! ..  
Так голос сторожа звучит, он с ветром прилетает  
с гор.

С высоким посохом в руке, через плечо надев  
хурджин \*,  
Средь изумрудных зеленей упорно бродит он один.

В отраду солнечных лучей он погружен, как летний  
шмель,  
В глазах живет зеленый цвет, живут полей мечта  
и цель.

Порою на свирели он, грустя, играет под луной,  
И только пугало одно — покорный слушатель  
ночной.

Под звуки музыки его в колосья сок идет, как  
мед,  
Бранится сторож и ворчит, когда их ветер бьет  
и мнет.

Он — бич карающий для тех, кто зол, небрежен  
или слеп,  
Кто заслоняет солнца свет и топчет завтрашний  
наш хлеб.

Рукою твердой не один прикончен ненасытный  
крот,  
Волы от посоха его скрываются среди болот.

На днях налетчица одна едва лишь ноги  
унесла —  
Красотку больно ранил он огромной челюстью  
осла.

И голос сторожа звучит, он с ветром прилетает  
с гор:  
— Эхей! Да не придет сюда никто — не честный  
и не вор!..





### Спелая нива

Простор золотой,  
Неситовый цвет,  
Пшеница горит —  
А пламени нет.

Простор золотой,  
И в небе — костры,  
Под хлебом земля  
Трещит от жары.

Простор золотой,  
И тон янтаря  
Колосья дарят,  
На солнце горя.

Простор золотой,  
С жужжаньем пчела  
В колосьях стремглав,  
Прошла, как стрела.

Простор золотой,  
Где ветер и зной,  
Где птицы свистят  
Над желтой волной.

Спи, желтый простор  
Полуденным сном —  
Я золото жать  
Приду с серебром.







### Жатва

Точите заново серпы, сегодня будет трудный день:  
Придут две тысячи жнецов убрать пшеницу  
и ячмень.

Как сладко ворот распахнуть, чтоб обдували  
ветерки,  
Чтоб черной поросли волос, шурша, коснулись  
колоски,

Войти в поток снопов, чья плоть и поцелуи горячи,  
И ощутить, как солнца жар переполняет жил  
ручьи.

Серпы сверкают на свету одно мгновенье —  
и потом  
В пшеницу входят серебром — выходят в блеске  
золотом.

Стена колосьев пала ниц, и маки кровью истекли,  
И содрогнулся широко весь золотистый склон  
земли.

И набегают зыбь на зыбь, пока ее не тронет сталь,  
И морем, желтым, как янтарь, становится вся эта  
даль.

И ширятся поля, холмы, стерней взъерошены,  
жнивьем,  
Как будто сохнет под серпом, мелеет желтый  
водоём,

Вдруг обнажаются кусты, и камень сделался  
высок,  
И дремлющий под ячменем вновь оживает ручеек.

Иные, голову задрав и глиняный подняв сосуд,  
Пьют воду, что из родника невесты им, спеша,  
несут;





### Сбор урожая

Я убираю урожай,  
— Моя любимая — луна, —  
Иду с серпом из края в край.  
— Невеста милая она.

Я с непокрытой головой  
— О, сладкий ветер, вей в жнивье! —  
Бреду по полю сам не свой.  
— Как море — волосы ее.

Пшеницу с маками в тоске  
— Пичуга плачет у реки. —  
Я нитью свел накоротке.  
— На пальцах милой — хны мазки.

В колосья, сверху, в божий мир  
— Плывут, плывут огни планет. —  
Пролил благоуханный мир.  
— Ее лицо светлей, чем свет.

Снопы — в сверкающей росе,  
— О, роза, влажною пребудь! —  
Я с песнями связал их все.  
— Ее полуоткрыта грудь.

Серпом я поле обнажил,  
— Плышет бесстрастная луна. —  
Я гору из снопов сложил.  
— Моя душа раскалена.

О камень лязгнул серп стальной,  
— К другому милая ушла, —  
Исчезла птица в мгле ночной.  
— И мукам сердца нет числа.





### Возы

Медленно едут возы на гумно,  
Сноп на снопе возлежит,  
В свете заката они — караван  
Движущихся пирамид.

Смуглые парни лежат на снопах  
И иногда свысока  
Колют стрекалом огромных волов  
Вздущиеся бока.

Медленно, важно шагают волы  
И, завернув языки,  
Тщательно слизывают со спины  
Падающие колоски.

Залитый кровью вечерней зарн  
Хлеб, что волами влеком,  
На горделивый венок их рогов  
Новым ложится венком.

Вьются дороги с полей до гумна  
И колосками рябят,  
Жадно крикливыми клювами их  
Куры всюю тербят.

Путь пламенеющий, путь золотой,  
А по бокам, там и тут  
Гроздь шиповника — он переспел —  
Кровь загустевшую льют.

Едут возы и скрипят, и шумят,  
Будят вокруг тишину,  
Солнце влекут, перевозят пожар,  
Накрепко сжатый в копну.

Сколько соленого пота жнецов  
В эти снопы пролилось!  
Если б он хлынул, залил бы возы  
С упряжи и до колес.

Парни поют, подгоняя волов,  
Колют стрекалом в бока,  
Их убаюкивают снопы,  
Покачивая слегка.

Словно стрекозы они поют,  
Словно ветра и серпы,  
И разольют, до гумна докатив,  
Словно моря, снопы.



### Хачбур \*

О Богоматерь, первые зерна в дар я несу,  
Ты освяти их, будь милосердна, у алтаря,  
Тут, где веками воск ярко-желтый свет и слезу  
Лил, за удачу благодаря.

Землям родимым ты подарила море щедрот:  
Гы наделила пашни бессмертьем райских полей.  
Ты превратила семя в растенье, веру — в восход,  
Что улыбнулся жизни моей.

С новым хачбуром, мною сплетенным, падаю ниц,  
Эти колосья — тяжкой работы нашей плоды,  
Солнцеподобны, схожи с кудрями юных девиц,  
Спелости полных и теплоты.

Колос был влажной лунной полоской утром, когда  
Срезал его я, острым металлом яро взмахнув,  
В раннюю пору зерен достатка, зерен труда  
Птичий не тронул дерзостный клюв.

Сплел я колосья, сплел, словно косы, небо хваля,  
Крест повторил я, распят на коем был Иисус, —  
Кровь Иисуса, влагу святую, наша земля  
Каждую пасху знает на вкус.

Вплел в них надежды, вплел в них желанья, труд  
на полях,  
Сок животворный, солнце над ширью нив золотых,  
Лемеха выскерк, рук моих старых мощный размах  
И ожиданья внуков моих.

Золото летом, жемчуг весною в поле пролей,  
Благослови же этот хачбур ты, добрая Мать,  
Больше пшеницы в хлебных амбарах — больше  
свечей  
Будут во храме ярко сиять.

Сделай, чтоб было так, как случилось в прежние  
дни:  
Если ты выйдешь глянуть на поле — ширь  
без конца,  
Чтоб не кололи тернии ноги — только одни  
Были бы маки — наши сердца.







### На пастбище

Моя свирель среди холмов в ночном лугу  
Поет без слов,  
Я песне рад, я тут лежу, я стерегу  
Моих волов.

Луна с высот спустилась вниз, сошла до дна  
Пустых полей,  
Сюда, в жнивье, в ночную тишь, и льет она  
Свой свет — елей.

Прекрасна ночь, и мой напев, простору рад,  
Легко звучит,  
И ветерком свистит свирель и свисту в лад  
Росой журчит.

Звон бубенцов — пасутся там мои стада,  
Впивают мед,  
Что Млечный Путь, как щедрый друг, света всегда,  
На землю льет.

И слышу я: сопят волы в тени куста  
У ручейка,  
Жуют телки, вода близка, трава густа,  
Влажна, мягка.

Как в столбняке, рога склонив к траве сырой,  
Стоят быки,  
И звезды льют свой свет в глаза — и как порой  
Горят зрачки!

И, мельтеша, вокруг них вьется мошкара  
Сплошной стеной;  
А белый вол, как идол, весь из серебра  
Луны ночной.

Едят быки, траву жуют, хвостами бьют,  
Глядят вокруг  
И чутко так, усердно так ушами пьют  
Свирели звук.

В зеленый цвет покрасил луг их пасть давно,  
Загрунтовал,  
И брюхо их уже полно, полным-полно,  
Как сеновал.

И вот в траву, плечо к плечу, лишь лег один —  
Легла семья,  
Друг другу груз огромных морд на горы спин  
Кладут, жуя.

И ждут, пока сойдет рассвет с холмов крутых  
На гладь лугов,  
Сберет росу, за перлом перл, с намокших их  
Крутых рогов.



### Тока

На току сижу в тени я  
И привязанный у пня,  
Кротко и любовно ослик  
Трется мордой об меня.

Солнце хлынуло в долину,  
Стелет волны по земле,  
Греет панцирь черепаха,  
Скирды плавают в тепле.

Еле машут крылья ветра,  
Веет теплый аромат,  
Тени стада в ярком свете —  
Пятна черные заплат.

Ладя здесь жилье, крестьяне  
Скарб домашний принесли;  
Дом оставленный собака  
Стережет, грустя, вдали.

Вот скирда — как золотистый  
Дом на фоне синевы;  
Ложем новобрачных стала  
Тень прохладная листвы.

Я с восторгом воспеваю  
Труженика — мужика,  
Что, едва лишь серп оставив,  
К молотьбе ведет быка,

Пастуха, что ток готовит —  
Камень на себе везет,  
Так, что на груди рубаху  
Разъедает едкий пот,

И невест — они сквозь сито  
Пальцами с потертой хной  
Сыплют зерна, как алмазы, —  
Ячменя поток сплошной,

Тех, кто наверху, как боги,  
Силой собственной горды,  
Яростно вонзают вилы  
В исполинские скирды,

Прочную доску, что лихо  
Вкруг снопов в огне летит,  
И пшеницу, что в соломе,  
Словно золото, блестит.

Сладко тем, кому сродниться  
С молотью довелось,  
Кто пропитан желтой пылью  
От обивки до волос,

Кто во имя хлеба Паном  
Стал и, сердцем охмелев,  
В недра мельниц возвращает  
Нескончаемый напев...





### Ночь на токах

Сладкая летняя ночь! На молотильной доске  
Гений работы прилег, дремлет, усталый, сейчас,  
Мирно плывет тишина по многозвездной реке,  
Манят просторы меня вспышками тысячи глаз.

У приозерных кустов песнь запевают сверчки,  
А в глубине, под водой, празднуют свадьбу наяд,  
Ивы качая слегка, бродят вокруг ветерки,  
Тайных касаются струн, музыку томно струят.

Я — на вершине скирды. Мне наслажденье дано —  
Сердце любому лучу я открываю: «Коснись!»  
Из Бесконечности я пью золотое вино,  
Слушаю я, как хрустят звезды, упавшие вниз.

Сладостно мыслями в свет, в синие волны уйти  
И, если нужно, упасть, рухнуть в сверкающий мир.  
Давнюю родину там вдруг обрести по пути —  
Души, оттуда упав, все еще помнит эфир.

Дивно, когда вознесет вверх на крылах тишина,  
Слушать, как дышит простор, как говорит

небосклон,

Будет в закрытых глазах лишь Бесконечность одна  
В миг, когда веки сомкнет всепобеждающий сон.

Все деревенские спят, дремлют поля и сады,  
Спит на повозке пастух, и, приоткрыв свою грудь  
Ветру, невеста его спит на вершине скирды,  
Льет на нее молоко Млечный сияющий Путь.

Так вот, в такую же ночь был я однажды зачат,  
Так же родившим меня небо сверкало тогда,  
Так же лежали они, вперив свой ласковый взгляд  
В пламя, которое им дальняя слала звезда.





### Песнь молотьбы

Я молочу, и мне в лицо  
Лучами целит небосвод,  
Простора зыбкое кольцо  
В моих глазах плывет, плывет.

— Эй, молотилка, не ленись, круши и бей,  
Мои скирды одолевай, крутись живей!

Неистовый летает шмель,  
Он — как алмазная стрела,  
Гудит в охрипшую свирель,  
Торопит сонного вола.

— Эй, молотилка, не ленись, круши и бей,  
Венец снопов разворощи, крутись живей!

Мое стрекало — прут сырой,  
Подобье острого меча —  
Вола ленивого порой  
До крови ранит сгоряча.  
— Эй, молотилка, не ленись, круши и бей,  
Колосьям бороды обрей, крутись живей!

Я в урожай плыву, спешу,  
И песню я несу свою,  
Мякины запахом дышу,  
Травы и солнца запах пью.  
— Эй, молотилка, не ленись, круши и бей,  
Рви, не щадя, плеву зерна, крутись живей!

Беда ль, что голодны волы  
И жажда высушила рот?  
Ручьи прохладны и светлы,  
Травы в лугах — невпроворот.  
— Эй, молотилка, не ленись, круши и бей,  
В колосьях жемчуг добывай, крутись живей!

Нет, я не зря твое нутро  
С пахучим дегтем подружил  
И брюхо черное хитро  
Зубцами я вооружил.  
— Эй, молотилка, не ленись, круши и бей,  
Соломы золото грызи, крутись живей!



### Полдень

Это пора, когда вдруг дрогнуть невмочь колоску,  
Жарко, дышать тяжело,  
Ляг и поспи на току.  
Время, похоже, пришло  
В дальней пещере залечь и умереть ветерку.

Сердце просторов моих, ты еле-еле стучишь,  
В жарком безмолвии ты;  
Только лучистая тишь  
Шепот хранит и мечты,  
И ароматы струит срезанный утром камыш.

Лес, задремавший в горах, запахом пряным смолы  
Веет на нас свысока,



В небе, молочно-белы,  
Реют, плывут облака,  
Шерсти прозрачной клочки сея на гребне скалы.

Света пылающий меч лезвием красным проник  
В ждущее сердце земли;  
Томно стенает родник  
Там, у деревьев, вдали,  
У орошенных цветов не замолчав ни на миг.

Дремлют в болоте волны, тянутся нити слюны,  
Как серебро изо рта;  
А в стороне, у копны,  
Ровно глядит Пустота,  
Как отдыхают возы, памятью хлеба полны.

Это пора, о душа, чтобы парила одна  
Ты наверху, как в раю,  
В ясном просторе без дна  
Пела бы песню свою —  
Так своим светом живым солнце гордится всегда.



### Водопой

Вечером плещет вода  
В старой колоде, к которой приник,  
Песней ее одаряя, родник,  
Дарит слезу ей звезда.

Тенью себя защитя,  
Тихой подобна купели она,  
Где принимает крещение луна,  
Словно во храме дитя.

Шагом усталым быки  
К ней по болотистой тропке идут,  
Лугом шагают — и яркие тут  
Луж остаются кружки.

Трутся бока о бока,  
Круп натывается в давке на круп,  
Грозных рогов необузданный круг  
Ширится у родника.

Вытянув шею, сопя,  
Ноздри свои, где соломы следы,  
Ткнули волю в неподвижность воды,  
Свежесть вбирая в себя.

Пьют непорочность волны,  
Светлое таянье горного льда,  
И не пугаются, что иногда  
Пьют отраженье луны.

Вдоволь напившись, подняв  
Головы мощные, стадо глядит  
Долго на горы, и с губ на гранит  
Струйки сбегают стремглав.

А волопас, опершись  
Грудью на посох, стоит и поет,  
Свищет, куда вода не сойдет,  
Мох открывая да слизь.

И, колыхаясь, быки  
К хлеву придут и улягутся тут,  
И бубенцы лишь на них пропоют,  
Звонкие, как ручейки.

А поутру поспешат  
К старой колоде под деревом, чья  
Влага исполнена песни ручья,  
Слез, что ей звезды дарят.





### Веянье

Когда резвится ветерок  
И прилетает, словно птица,  
На праздничный, веселый ток,  
Где обмолочена пшеница, —  
Там песня греет, как вино:  
— Повей-ка, ветер, на гумно,  
Тебе — мякина, нам — зерно!

Там девушки с парнями в лад  
(Как сноп цветов, как птичья стая)  
Вонзают вилы, ворошат,  
Зерно с надеждой сочетая;  
Там песня с шумом заодно:  
— Повей-ка, ветер, на гумно,  
Тебе — мякина, нам — зерно!

Как руки реют, как снуют,  
Как вверх и вниз мелькают, вея! . .  
Струят, стремят потоки тут,  
Чтоб весь янтарь собрать скорее;  
И песней все вокруг полно:  
— Повей-ка, ветер, на гумно,  
Тебе — мякина, нам — зерно!

Светловолосый ветерок  
Летит и тянет за собою  
Извивы светлые дорог,  
Где черные дрозды толпою  
Высвистывают лишь одно:  
— Повей-ка, ветер, на гумно,  
Тебе — мякина, нам — зерно!

Сверканье в пышных волосах,  
Вокруг плечей объятья ветра;  
Смешалась с зернами роса  
И, влажная, ложится щедро;  
Блаженство в песню вплетено:  
— Повей-ка, ветер, на гумно,  
Тебе — мякина, нам — зерно!

Когда позолотят тока  
Невесток светлые вуали,  
Гора зерна под облака  
Поднимется в ночные дали, —  
Угаснуть песне суждено:  
— Повей-ка, ветер, на гумно,  
Тебе — мякина, нам — зерно...



### Возвращение

К вам в этот вечер мы с песней идем  
Лунным путем.  
Села, о села! Пускай же горят  
В ваших домах огоньки,  
Псы заливаются из-за оград,  
Радостный, села, наденьте наряд!  
Пусть зажурчат родники —  
Розы для праздника щедрой земли  
Мы принесли.

К вам, о любви распевая, идем  
Горным путем.  
Хижины, хижины! Перед волом

Пусть открывается вход,  
Вспыхнет очаг, увенчается дом  
Дымом, что там, голубой в голубом,  
Медленно в небе плывет.  
Снохи, мы вам принесли молока  
Издалека.

С песней надежды домой мы идем  
Дольним путем.  
О сеновалы! Пускай доплетна  
Солнца вольется запас;  
Славной работою увлечена,  
Пусть с высоты золотая луна  
Сеет мукою на вас.  
Сено несем мы, чтоб чуяли вы  
Запах травы.

С песней о хлебе дорога легка  
Через тока.  
Клетки, амбары! Пусть в ваше нутро  
Радость войдет навсегда,  
Пусть паутины блестит серебро,

Сотни вуалей сплетая хитро.  
Нас не постигнет беда —  
Едут телеги и ночью, и днем  
С новым зерном.





### Амбары

К отчему крову сойдясь, тесно строенья стоят,  
Дремлет утроба домов, новою жизнью полна,  
Из приоткрытых дверей осень струит аромат  
Скошенных, сжатых полей, радостной плоти зерна.

Темная вика лежит и удлиненный ячмень,  
Желтой пшеницы холмы. . . В поле рожденный  
родник  
В мощный излился поток! Кажется, солнечный  
день  
Зёрна, любя, обнимал и навсегда в них проник.

Время на стенах нагих черный оставило след,  
Серые сети свои густо развесил паук,  
Льется порою на них ясный и благостный свет,  
Щедро лучами согрет, зыблется воздух вокруг.

Зимы и голод дразня, крепко стоят закрома,  
Оберегая, храня все, что во чреве лежит,  
И, неусыпно следя, полные хлеба дома,  
Нос укрывая хвостом, кот, словно фавн,

сторожит. . .







### Риги

Рига люцерны! Запах плывет,  
Ладану чем-то сродни;  
Дверь открываю — красавцы-быки,  
Широколобы они,  
Грозно натягивают, мыча,  
Кожаные ремни.

Рига гороха! Горных цветов  
Яркие пятна горят;  
Целыми днями к стойлам ношу  
Сноп за снопом подряд,  
И остается в моих рукавах  
Сладостный твой аромат.

Рига соломы! С крыши войдя,  
Солнце стоит за дверьми:  
В гнездышке теплом, в мягкой скирде  
Нежится кошка с детьми;  
Рига, ты морды ягнят серебришь,  
Благословенье прими!





### Мельница

Эй, мельница в пыли мучной,  
Крутись в лощине между гор,  
Веди свой долгий разговор,  
Толкуй с серебряной луной.

Ты — дом, всегда дрожащий; тут  
Осел на стены белый прах,  
Тут нимф речных восторг и страх  
В объятья пыльные берут.

Твой мельник правит торжество  
Движения, он вечно бдит,  
Как лекарь, он руководит  
Биеньем сердца твоего.

Эй, мельница, мели, мели,  
Ты — ураган в плену цепей,  
Ты сыпь муку и пену пей,  
Рожай добро для всей земли.

Скажи воде: «Остановись!»,  
Ее за гриву ухватив,  
Поток преобрази в мотив,  
Его с высот низвергни вниз.

Ведь белоснежную тропой  
В твое нутро плывет зерно,  
Мукою станет там оно —  
Эй, мельница, крутись и пой!

Пускай вершится добрый труд,  
И в лихорадке жернова,  
Бубня невнятные слова,  
Кружась, грохочут и поют.

Пускай под каменной рукой,  
Уйдет, исчезнет желтизна:  
Пшеница желтая — она  
Да будет белою мукой!

Крутись, крутись под шум и гром,  
Под стук колес, под плеск реки —  
Оставив золото, мешки  
Домой вернутся с серебром.



#### Андастан \*

Добрый восток, подари нам  
Мир и всегда, и сейчас...  
Пусть не поток нашей крови, а пот,  
Не иссякая, по пашне течет;  
Колокол сельский, звучи по равнинам —  
Счастье да будет у нас!

Запад обильный, дари нам  
Хлеб и всегда, и сейчас...  
Слезы росы пусть струятся из звезд,  
Золото нив устремляется в рост;  
Овцы, паситесь, бродя по долинам, —  
Травы да будут у нас!

Север, достаток дари нам  
Щедро всегда и сейчас...  
Хлеб поднимается, светловолос, —  
То-то раздолье для жаждущих кос;  
Срок наполняться амбарам, овинам —  
Радость да будет у нас!

Юг, плодородье дари нам,  
Царствуй всегда и сейчас!  
Пасека медом да будет полна,  
В чашах да будет до края вина,  
Печься хлебам и звенеть тамбуринам —  
Песни да будут у нас!



## Примечания

Стр. 5. *Венецианская Конгрегация армян* — армянская религиозно-культурная организация, основанная армянским общественным, научным, культурным деятелем Мхитаром Себасти (1676—1749) в 1701 г. в Константинополе. С 1717 г. она обосновалась на острове Св. Лазаря, близ Венеции.

Стр. 9. *Астхик* — в армянской мифологии богиня красоты и любви, соответствующая греческой Афродите.

Стр. 13. *Пан* — в греческой мифологии бог лесов и рощ, покровитель пастухов и стад.

Стр. 14. *Вордан-кармир* — естественный краситель ало-красного цвета, типа кошениля, получаемый из особого вида насекомых.

Стр. 15. *Киликия* — древнейшая страна на юго-востоке Малой Азии, на берегу Средиземного моря, где в 1080 г. было создано армянское государство Рубенидов, просуществовавшее до 1375 г.

Стр. 24. *Ван* — город в Западной Армении, на берегу одноименного озера.

Стр. 31. *...год небывалой резни* — речь идет о массовых погромах армян в 1895 г., устраиваемых турецким султаном Абдулом Гамидом II.

Стр. 37. *Алис* — река в Западной Армении, близ города Себастья.

Стр. 38. *Лаваш* — хлеб из тонкораскатанного теста.

Стр. 41. *Айк* — по армянской мифологии, верховный бог и родоначальник армянского народа.

*Арам* — легендарный патриарх армян.

*Анания* — имеется в виду Анания Ширакаци — армянский известный математик, астролог VII века.

Стр. 46. *Ваагн* — древнеармянский языческий бог.

*Тарон* — древняя область в Западной Армении.

Стр. 49. *Аштишат* — город в Тароне, где находились капища бога Ваагна.

Стр. 50. *...и в небесах рассыпал* — согласно армянской мифологии, Ваагн у вавилонского бога Баршама (Бела) украл солому, которая в небе сыпалась у него из рук, образовав таким образом Млечный Путь, или по-армянски: Путь Вора соломы.

Стр. 57. *Горгоны* — в древнегреческой мифологии три женские чудовища.

Стр. 64. *Багинет* — русское оружие XII—XIII вв., представляющее род длинного ножа с обухом, приспособленное для вставления в дуло ружья (*фр.* bayonnette).

Стр. 65. *Стикс* — в греческой мифологии одна из рек «подземного царства»; через нее старик Харон перевозил в утлой ладье души умерших в царство Аида.

Стр. 73. *Иегова* — древнееврейское название бога.

Стр. 78. *Ашуг* — народный певец-музыкант

Стр. 88. *Хоренаци, Мовсес* — армянский историк V века. Эпиграф взят из его книги «История Армении» (книга вторая, гл. 63).

...в сюнийской земле — Сюник — область в древней Армении, в которую входили нынешние Горный Карабах, Зангезур и Севанский бассейн.

Стр. 89. *Тиран* — царь армянский из династии Аршакидов. Царствовал в 343—350 гг.

Стр. 92. *Ванатур* — в армянской мифологии бог садоводства и гостеприимства.

Стр. 93. *Масис* — армянское название горы Арарат.

Стр. 95. *Зилэр* — маленькие металлические талочники, надевавшиеся на пальцы, разновидность кастаньет.

*Анаит* — в армянской мифологии богиня плодородия, деторождения и целомудрия. Была любимейшей богиней армян, и до I века до н. э. ее капища были всюду в Армении.

Стр. 98. *Кифара* — струнный щипковый музыкальный инструмент древних греков.

Стр. 110. *Арес* — в древнегреческой мифологии бог войны.

Стр. 137. *Ов. Палян* — в 1912 г. сборник Варужана «Языческие песни» выпустил в свет меценат, ростовский богач-книголюб Ованес Палян. Лично он с автором не был знаком.

Стр. 142. *Гог* и *Магог* — по библейскому преданию, великаны, сражавшиеся против Израиля.

Стр. 144. *Ферреро*, Гуардия Франциско (1859—1909) — испанский республиканец, приговоренный к смерти королем Альфонсом XIII.

*Гваделупа* — двойной остров, самый большой из Малых Антильских островов; обнаружен был в 1493 г. Христофором Колумбом.

Стр. 146. *Савонарола*, *Джироламо* (1452—1498) — итальянский реформатор, доминиканский монах. По обвинению религиозно-политического характера был повешен, а труп его сожжен.

Стр. 167. *Хурджин* — переметная сума.

Стр. 181. *Хачбур* — сложенные крестообразно колосья, приносимые в старину армянскими крестьянами в дар Богоматери.

Стр. 213. *Андастан* — благодарственная молитва за плодородие полей.

А. Аликян



## Содержание

С. Капутикян. Увидеть мир справедливым 3

### Стихотворения и поэмы

#### Из книги «Содрогания»

Рыбкам бассейна . . . . .	19
Болен . . . . .	23
На пепелище . . . . .	27

#### Из книги «Сердце племени»

Прачка . . . . .	31
Письмо тоски . . . . .	34
Наказ . . . . .	37
Красная земля . . . . .	40

Старый журавль . . . . .	43
Ваагн (поэма) . . . . .	46
Немезида . . . . .	52

#### Из книги «Языческие песни»

Статue красоты . . . . .	70
Первый грех . . . . .	72
После пира . . . . .	77
Мой Варужнак . . . . .	79
Восточная баня . . . . .	83
Наложница (поэма) . . . . .	88

#### Из цикла «Цветы Голгофы»

Умиравший рабочий . . . . .	120
Машины . . . . .	123
Царь царей . . . . .	128
Перерыв . . . . .	130
Вот книга... . . . .	137
О век, о век! (поэма) . . . . .	140

#### Из книги «Песнь хлеба»

Зов полей . . . . .	148
Пахари . . . . .	150
Волы . . . . .	152
Пахота . . . . .	154
Сев . . . . .	157

Борона . . . . .	159
Всходы . . . . .	161
Весенний дождь . . . . .	163
Моря колосьев . . . . .	165
Полевой сторож . . . . .	167
Спелая нива . . . . .	170
Жатва . . . . .	172
Сбор урожая . . . . .	176
Возы . . . . .	178
Хачбур . . . . .	181
На пастбище . . . . .	184
Тока . . . . .	187
Ночь на токах . . . . .	190
Песнь молотьбы . . . . .	192
Полдень . . . . .	195
Водопой . . . . .	197
Веянье . . . . .	200
Возвращение . . . . .	203
Амбары . . . . .	206
Риги . . . . .	208
Мельница . . . . .	210
Андастан . . . . .	213
<i>Примечания . . . . .</i>	<i>215</i>

---

**Варужан Д.**

**В 18** Стихи /Пер. с арм. Б. Окуджавы; Вступ. статья С. Капутикян; Примеч. А. Аликяна. — М.: Худож. лит., 1984. — 222 с.

Даниэл Варужан (1884—1915) — крупнейший представитель западноармянской поэзии начала XX века. В настоящий сборник вошли стихотворения из его книг: «Содрогания», «Сердце племени», «Языческие песни» и «Песнь хлеба».

Этот первый на русском языке сборник Даниэла Варужана выходит к 100-летию со дня его рождения.

**В**  $\frac{4702080100-271}{028(01)-84}$  82-84

**ББК 84Ар1**  
**С(Арм)1**

## Даниэл Варужан

Стихи

Редактор А. Макинцян

Художественный редактор

С. Данилов

Технические редакторы

С. Ефимова и Л. Изгаршева

Корректор

Б. Тумян

ИБ № 3446

Сдано в набор 31.10.83. Подписано  
к печати 19.06.84. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Бумага тип. № 1. Гарнитура «Лите-  
ратурная». Печать высокая. Усл.  
печ. л. 5,88. Усл. кр.-отт. 6,09.  
Уч.-изд. л. 5,43. Тираж 10 000 экз.  
Изд. № IV-1031. Заказ № 1753

Цена 70 к.

Ордена Трудового Красного Знаме-  
ни издательство «Художественная  
литература». 107882, ГСП, Москва,  
Б-78. Ново-Басманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знаме-  
ни Ленинградская типография № 5  
Союзполиграфпрома при Государст-  
венном комитете СССР по делам  
издательств, полиграфии и книжной  
торговли. 190000, Ленинград, центр.  
Красная ул., 1/3.

